

А.В. Коптев

МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В АРХАИЧЕСКОМ РИМЕ*

1. ГОРАЦИИ И КУРИАЦИИ: НАСЛЕДОВАНИЕ ВЛАСТИ ТРИАДАМИ "БРАТЬЕВ"

Одним из наиболее красочных и в то же время загадочных эпизодов ранне-римской истории является сражение трех братьев-близнецов Горациев с тремя близнецами Куриациями¹. Согласно римской традиции, Горации приходились Куриациям двоюродными братьями – их матери считались сестрами из Альбы Лонги. События эти² происходили в правление Туллы Гостилия, когда войско Альбы Лонги подошло к стенам Рима и между двумя городами, населенными сородичами, разгорелся конфликт. По предложению альбанского предводителя Меттия Фуфетия военные действия были заменены поединком. Победители в нем должны были обеспечить верховенство своего народа над проигравшими. Поскольку первоначальные римляне, согласно традиции, были выходцами из Альбы, напрашивается предположение, что сражение знаменовало некий перелом в развитии родовых отношений.

Следует отметить, что *nomina gentilia* Горациев и Куриациев указывают на их связь с сабинянами. *Horatii*, очевидно, было производным от имени сабинской богини *Hora* (Ovid. *Met.* XIV. 851). *Curiatii* перекликается со словами *Curita*, *Cures*, *curis* (*quiris*), *curia*, *quirites* (*currites*), *lacus Curtius*, *Quirinus*, *Quirinalis*, считающимися сабинскими. Вероятно, в этом кроется причина растерянности традиции при определении родины участников поединка³. Начавшееся при Ромуле внедрение сабинян в общественную жизнь Рима уже при Тулле Гостилии, видимо, стало оказывать деформирующее воздействие на традиционные взаимоотношения Рима с Альбой, которую населяли латины, родственные жителям римского Палатина.

В выборе участников поединка особенно бросается в глаза то, что у обеих сторон оказалось по три близнеца подходящего возраста, которые к тому же между собой были двоюродными братьями по материнской линии (ортокузенами). В контексте

* Статья подготовлена в рамках проекта «Возникновение гражданского общества античного Рима», разрабатываемого автором при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96-01-00156).

¹ *Dumézil G.* Horace et les Curiaces. P., 1942; *Montanari E.* Il mito degli Horatii e Curiatii // R/C. 1972. T. 1. P. 229–284; *idem.* Roma. Momenti di una presa di coscienza culturale. Roma, 1976. P. 21 ss.; *Franciosi G.* Clan gentilizio e strutture monogamiche. V. 2. Napoli, 1987. P. 57 ss.; *Mencacci F.* Orazi e Curiazi: uno scontro fra trigemini gemelli // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici.* 1978. T. 18. P. 17 ss.; *Bettini M.* La storia di Orazia // *Primordia Urbium. Forme e funzioni dei miti di fondazione nel mondo antico.* Como, 1988. P. 9–30.

² *Liv.* I. 24–26; *Dionys.* III. 13–22; *Val. Max.* VI. 3.6; VIII. 1; *Flor.* I. 1. 3–6; *Ampel.* 20,1; [*Aur. Vicf.*] De vir. ill. IV. 5–10; *Fest.* 297 L.; *Aug.* De civ. Dei. III. 14; *Schol. Bob. ad Cic.* p. 277 Or. (Mil. 7); [*Plur.*] Parall. min. 16; *Zonar.* VII.6; *Manil.* I. 77–78 ss.; *App.* De reg. 7 in *Suid.* s.v. βλάσφημος.

³ В традиции не было единства мнений по поводу того, к какому из народов принадлежали Горации, а к какому Куриации. Ливий присоединился к наиболее распространенному мнению, согласно которому Горации были римлянами, а Куриации – альбанцами (I. 24.1).

кровного родства такого рода казус представляет собой достаточно редкое явление и вполне мог бы быть списан на счет позднейшей литературной обработки легенды, подчеркивавшей внимание к уникальному. Иное дело, если предположить, что здесь мы имеем дело не с кровным или линейным родством, а с системой возрастных классов, все члены которых считались социальными «братьями». Следы группового родства проявляются в том, что латинский термин *sobrinus*, обозначающий двоюродного брата, принадлежал к кругу понятий, выражавших «родство» или «социальную связь»⁴. *Sobrini-sodales* были представителями одного возрастного класса, социальными «братьями» и общими «детьми» социальных «отцов» и «матерей».

Существовавшая у римлян система возрастных групп первоначально, вероятно, подразумевала деление на *infantes* (до 8 лет), *pueri* (8–16 лет), *adulescentes* (17–24 года), *iuvenes* (24–32 года), *viri* (33–48 лет), *seniores* (49–56 лет), *senes* (свыше 56 лет). В 16 лет достигшие возраста *pubertas* юноши проходили инициации. Достигшее 48-летнего возраста поколение *seniores* получало право инициировать в общественную систему новое поколение, т.е. стать «отцами». В 56 лет поколение «отцов» выходило из социально активного возраста, оставляя обществу группу своих социальных «детей», начинавшую свой социально активный цикл⁵. В эпоху Ромула на смену господству группового родства приходят отношения линейного кровного родства. Появление генеалогического родства было связано с узурпацией принадлежавших прежде всему коллективу ценностей, к числу которых относились собственности и власть. Линейное родство служило каналом их передачи потомкам. Первоначально на роль истинных детей индивида могли претендовать только те, что были рождены «отцом» в возрасте 40–48 лет. Таких могло быть не более трех-четырех, а как правило, три. Остальные его дети оказывались в числе социальных «детей» старшей возрастной группы, а рожденные после 48 лет – младшей. Таким образом, первичные кровнородственные связи охватывали только родителя и трех его потомков, как бы «отсекая» остальных его детей от кровнородственного ствола⁶. При этом передача титула правителя по генеалогическому принципу предполагала наследование от триады социальных «отцов», бывших между собой родными или двоюродными братьями, к триаде социальных «детей», также бывших между собой родными или двоюродными братьями.

В римской архайке власть олицетворялась титулом рекса. В соответствии с принципом смены социально-возрастного статуса обладание властью рекса должно было быть временным, а его продолжительность – соотноситься с восьмилетним циклом. Правда, в традиции не сохранилось сведений о таком сроке правления рекса. Власть рексов, судя по тому, что все они, исключая Нуму, умерли неестественной смертью, не была пожизненной. Но срок правления значительно превосходил восемь лет. Дольше всех правили Нума Помпилий и Сервий Туллий – 43–44 года. Ромул, Тарквиний Приск и, по одной версии, Нума – 37–38–39 лет. Тулл Гостилий – 32 года. Анк Марций и Тарквиний Суперб – 24 года⁷. В контексте интересующей нас проблемы прежде всего обращают на себя внимание кратные восемь 24–32-летние сроки.

Можно допустить, что в историческую эпоху (в соответствии с традицией – после Ромула) законным сроком правления рекса считались 24 года, составлявшие совокупный срок правления триады «братьев» по 8 лет. Видимо, некогда в римской истории произошло сознательное утроение статусного времени нахождения у власти

⁴ *Bettini M.* Familie und Verwandtschaft im antiken Rom. Frankfurt a. M. – New York, 1992. S. 189f. Ссылаясь на исследования Э. Бенвениста, Беттини сближает *swe-dh-rinus* > *sobrinus* и *swe-dh-alis* > *sodalis* как термины для обозначения лиц, «принадлежавших к *swe-dh*-классу», которые впоследствии, утратив изначальную многовалентность, разошлись – слово *sobrinus* стало обозначением родства, а *sodalis* – товарищества.

⁵ Ср. *Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки: структура и функции. М., 1976; *она же.* Категория «возраст» в представлениях народов Восточной Африки // *Africana*. XII. Л., 1980. С. 49–80.

⁶ *Мисюгин В.М.* Три брата в системе архаических норм наследования власти // *Африканский сборник. История, этнография.* М., 1983. С. 88–93.

⁷ *Köves-Zulauf Th.* Die Herrschaftsdauer der römischen Könige // *AAASH*. 1982–1984. 30. S. 191–203.

путем создания неких ситуаций, в которых братья-наследники не могли быть иницированы как «полновозрастные». Мужчина получал статус не только вследствие формального перехода его возрастной группы на соответствующую возрастную ступень, но и в результате успешного завершения серии испытаний, а окончательно закреплял его полноправие ритуал брака. Если создавались условия, при которых «следующий» «брат» не мог пройти положенные испытания и вступить в брак, обладатель титула как бы терял необходимость его передачи и сохранял его за собой. Брак с «невестой» отстраненного «брата» закреплял его право. Это могло повторяться несколько раз и избавляло общество от проблем, если «братьев» недоставало или был четвертый лишний. Усыновив Тарквиния Приска, Анк Марций включил его в одно поколение с двумя своими сыновьями и таким образом на законном основании передал ему власть после 24 лет правления. Согласно традиции, Тарквиний обязался затем передать власть сыновьям Анка, т.е. своим названным братьям, но не сдержал обещания. В этом контексте неслучайным выглядит и изгнание Тарквиния Суперба именно после 24 лет правления, когда подошел к концу его формальный срок.

С этой точки зрения становится понятным смысл поединка триады римских Горациев с триадой альбанских Куриациев. Видимо, это были не случайные воины, а реальные представители младшего поколения правящих в Риме и Альбе «династий», на что указывает сакральная связь и тех, и других с богиней Нога. Наградой за победу была царская власть в Риме. Войско альбанского царя Гая Клуулия явилось к Риму, очевидно, не для того, чтобы отомстить за несколько голов скота, угнанных римлянами у альбанцев, о чем повествует традиция. Тулл Гостилий закончил свой 24-летний срок правления и встал вопрос о его преемнике. Таковым должен был стать один из альбанских Куриациев, помолвленный с сестрой Горациев. Однако, продолжая линию Ромула на связь с сабинянами, Тулл Гостилий то ли отказался сложить с себя власть, то ли не хотел передавать ее имевшему на нее право представителю альбанцев. Поединок должен был объявить волю богов, и его форма была избрана в соответствии с социально-потестарными представлениями эпохи. Победа Горациев исключила триаду Куриациев из числа претендентов на роль римского рекса и обеспечила Туллу Гостилию продолжение царствования еще на одно восьмилетие. Его смерть от пожара, зажженного молнией Юпитера, как-то очень кстати пришлось на год окончания очередного цикла⁸.

Другой стороной легенды о Горациях и Куриациях является убийство помолвленной с одним из Куриациев сестры Горации ее братом-победителем. Помолвка Горации с Куриацием перекликается с версией о том, что матери Горациев и Куриациев были родными сестрами из Альбы, одна из которых вышла замуж в Риме, а другая, следовательно, в Альбе. Если исходить из логического предположения, что Тулл Гостилий принадлежал к числу социальных «отцов» Горациев, то одна из альбанских «сестер» была его «сестрой-женой». Это заключение прямо подводит нас к выводам этнологов о том, что в архаических обществах титул правителя не просто переходил от мужчины к мужчине, а был особым образом связан с женитьбой наследника. Его брак рассматривался как главный ритуал принятия титула и выступал символом того, что мужчина не более как «реализовал» право, законным обладателем которого («носителем») являлась его жена. Такая специфика сохранилась от норм социально-возрастного классификационного родства, когда статус полноправия индивида был безусловно связан с моментом получения его возрастной группой права-обязанности заключить брак. В первичной форме трехчленной династийной системы женами мужчин-наследников должны были оказаться женские потомки их социальных «отцов», т.е. тоже трех «братьев» поколенной группы. В классификационной терминологии родства это были мужчины и дочери их дядей по матери,

⁸ Тулл, как и Ромул, умер не без вмешательства Юпитера, что могло означать: в соответствии с сакральными нормами. Еще более смерть Туллы Гостилия напоминает легендарную смерть альбанского царя Аремула Сильвия (*Aur. Vict.* Orig. XVIII. 2–3).

равно как и женщины и сыновья их теток по отцу. В социально-возрастной системе доклассового общества норма эпигамного брака связывала не только мужчин и женщин одного поколения, но зачастую мужчин старшей и женщин младшей смежных социально-возрастных групп. Таким образом, в первичной династийной норме правом на власть обладала трехчленная поколенческая группа сестер, а реализовывали это их право последовательно в соответствии с порядком рождения их мужа-«братья». Поколения триад «сестер» соотносились как «матери» и «дочери», вследствие чего мужем старшей «сестры» оказывался младший дядя⁹.

Ситуация такого рода прослеживается в сюжете римско-альбанской легенды. Социальные «сестры» из Альбы обеспечивали власть римского и альбанского рексов. Триады их «детей» являлись наследниками титулов: альбанские юноши в качестве «женихов» римских «невест» в Риме, а римские – в Альбе. По завершении 24-летнего срока старшей триады в Риме власть должна была перейти от поколения «матерей» к поколению «дочерей», первой представительницей которого была Горация. Ее мужем и римским рексом должен был стать ее социальный «брат» из поколения Куриациев, права которого на три срока обеспечивали два его «брата». Чтобы не допустить этого, Туллу Гостилию было необходимо не только устранить Куриация, но и жениться на своей социальной «дочери» (генеалогической племяннице – дочери «сестры») Горации. Однако брак с «дочерью» не способствовал укреплению генеалогического рода. В этом браке у родоначальника рождались «внуки», старший из которых объективно оказывался правовым «двойником» старшего генеалогического внука (сына сына родоначальника). Это, естественно, порождало конфликт, разрешавшийся только гибелью одного из правовых «двойников». Убивая сестру, Гораций таким образом обеспечивал право на титул своему будущему сыну, которое мог узурпировать сын от брака «отца» и «сестры».

2. РИМ И АЛЬБА ЛОНГА: ДИНАСТИЙНЫЕ СВЯЗИ «ГОРОДОВ» ЛАЦИЯ

Выявленная на примере Горациев и Куриациев норма наследования власти архаических рексов путем передачи ее внутри поколенных триад «братьев» в римской истории была осложнена принадлежностью претендентов на власть к разным «городам» Лация. В период от Ромула до Туллы Гостилия традиция особенно тесно связывает Рим с Альбой Лонгой. Выходец из Альбы Ромул, утвердившись в Риме, после смерти своего деда Нумитора, правившего в Альбе, ежегодно посылал туда из Рима наместника (Plut. Rom. 27). Понятие «наместник» здесь, очевидно, является анахронизмом. Альба в эпоху Ромула и Нумы была самостоятельным независимым центром, который к тому же имел некоторые основания претендовать на старшинство над Римом. Вполне вероятно поэтому, что традиция о Ромуловом «наместнике» отражает полустершиеся воспоминания о древнем обмене женихами для царских дочерей альбанской и римской, палатинской в то время, «династий». В легендарных версиях смерти Ромула сообщается, что простой народ роптал после его неожиданного исчезновения и высказывал возмущение против «отцов», обвиняя их в убийстве царя. Успокоились граждане только после того, как один из патрициев по имени Прокул Юлий возвестил всем, что Ромул явился ему и повелел сообщить, что он взят на небо в ранге Квирина¹⁰. В передаче этой легенды у Овидия указывается, что Прокул Юлий встретил Ромула на пути из Альбы Лонги в Рим. Род Юлиев считается одним из родов альбанского происхождения, связанным с культом тамошнего Юпитера. Имя знатного альбанца, слово которого имело странно решающий вес в Риме, – Proculus – могло быть производно от proculus (арх. procer),

⁹ Мисюгин. Ук. соч. С. 89 сл.

¹⁰ О Прокуле Юлии см. Gagé J. Le témoignage de Julius Proculus (sur l'assomption de Romulus-Quirinus) et les prodiges fulguratoires dans l'ancien «ritus comitalis» // L'antiquité classique. 1972. Т. XLI. Fasc. 1. P. 49–77.

означавшего «жених» или «предводитель». Очень соблазнительно предположить на этом основании, что альбанец Юлий после смерти очередного римского царя выступал в роли царского жениха и соответственно претендента на царскую власть в Риме. Последнему имеется прямое подтверждение в традиции. Плутарх в биографии Нумы Помпилия рассказывает, что перед тем как была выдвинута кандидатура Нумы, основными претендентами на царскую власть в Риме считались некий Велес, бывший в родстве с Титом Тацием, и Прокул Юлий. Мы не знаем, за кого была выдана замуж дочь Ромула Прима и были ли у него еще дочери, но царскую власть после него получил не Прокул Юлий, а сабинянин Нума Помпилий.

О династических связях Нумы из традиции прямо известно только то, что первым браком он был женат на дочери Тита Тация. Впоследствии царем Рима стал внук Нумы Анк Марций, бывший сыном его дочери Помпилии. Отцом Анка был Нума Марций – сын ближайшего сподвижника Нумы Помпилия Марка Марция, который после смерти Нумы Помпилия оспаривал царскую власть у Тулла Гостилия и покончил с собой, потерпев неудачу в этом предприятии. По возрасту – если принимать версию традиции об очень долгом правлении Нумы и ориентироваться на зафиксированные в ней генеалогические принципы счета родства – Марк Марций вряд ли мог выступать соперником Тулла Гостилия в борьбе за римский престол. Логичнее кажется видеть в этом претенденте не его самого, а принадлежавшего к одному поколению с Туллом его сына Нуму Марция, отца царя Анка. В таком случае претензии были обоснованы женитьбой на Помпилии – дочери предшествующего царя Нумы. Однако вопреки традиции, ориентировавшейся на такого рода древнюю норму наследования, власть получил не он, а его соперник Тулл Гостилий. Можно представить себе, что Марций был настолько уверен в обоснованности своих притязаний, что неудача была и неожиданна для него, и воспринята им как неслыханный позор, заставивший его покончить с собой. По-видимому, наряду с принципом учета в ряду наследников царской власти мужа царской дочери действовали и другие закономерности.

Из традиции известно, что царь Анк Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери Помпилии. Царя Тарквиния Суперба логичнее считать не сыном, а внуком Тарквиния Приска, сыном его дочери Тарквинии¹¹. Других столь прямых данных такого рода о наследовании царского титула через поколение внуком царя, сыном его дочери, как будто нет. Однако внимательное рассмотрение традиции позволяет обнаружить довольно явные их следы. Хотя традиция считает Ромула основателем палатинского Рима, он стал править на Палатине после того, как убил Рема-Рома. Последний далеко не во всех версиях традиции считается братом Ромула¹². Ромул скорее выступает его наследником, пришедшим к власти в соответствии с архаическим ритуалом убийства священного царя его преемником. До Рома и Ромула царем был Нумитор. Хотя традиция считает его царем Альбы, а Ромула – царем Рима, это кажется всего лишь литературным приемом разведения связанных между собой правителей. Дело в том, что события, фигурирующие в традиции, – рождение близнецов Ромула и Рема, кормление их волчицей и дятлом, воспитание их Фаустилом и его женой, разбой пастухов под их предводительством и поимка Рема Нумитором, – все это происходило не в окрестностях Альбы, а в окрестностях Палатина. Поэтому Нумитор выглядит скорее царем палатинского Рима, нежели Альбы. В таком случае перед нами еще одна пара дед – внук при передаче царской власти. В то же время имя Нумитора, очевидно, сближает его с Нумой Помпилием, которого также можно отнести к поколению его внуков.

Следующий за Нумой царь Тулл Гостилий, согласно преданию, был внуком Госта Гостилия, ближайшего соратника Ромула, прославившегося и, вероятно, погибшего в

¹¹ Gantz T.N. The Tarquin Dynasty // *Historia*. 1975. 24. P. 539–554; Bessone L. La gente Tarquinia // *RFIC*. 1982. V. 110. Fasc. 4. P. 394–415.

¹² *Нетушил И.В.* Легенда о близнецах Ромуле и Реме // *ЖМНП*. 1901. Ч. 339. С. 58 сл.

борьбе с сабинянами¹³. Но из сообщения Феста¹⁴ следует, что могилу Ромула отождествляли с могилой Гостилия и наоборот. По одной из версий традиции, женой Ромула была сабинянка Герсилия, по другой – она была женой Гостилия (Plut. Rom. 14). Смещение этих двух фигур уже давно наводило исследователей на мысль о тождестве фигур Гостилия и Ромула¹⁵. Но и без этого Тулл Гостилий мог приходиться внуком царю, будучи сыном его дочери, выданной замуж за сына Гостилия. По крайней мере, мы знаем, что он оказался более достойным кандидатом на римский престол, нежели Нума Марций, женатый на дочери Нумы Помпилия. В этом случае еще большей становится вероятность того, что царь Сервий Туллий имел определенное отношение к линии Гостилиев на римском престоле в качестве внука Тулла Гостилия¹⁶.

До полноты картины остается только неясным вопрос, был ли Тарквиний Приск женат на дочери Анка Марция или он получил власть в Риме в соответствии с каким-то другим правилом. Но как бы там ни было, представляется очевидным существование в архаическом Риме правила наследования царской власти не только мужем, но и сыном царской дочери, приходившимся в то же время и внуком царю, правившему за поколение до него. Это правило коррелирует с нормами кросскузенного брачного союза. Оно предполагало наличие двух сестер – царских дочерей, отцу которых первоначально наследовал муж одной из них, а потом сын другой, женившийся на дочери первой, т.е. на своей двоюродной сестре. Возможно, в определенных моменты римской истории это правило давало сбои, обусловленные конкретными обстоятельствами.

Согласно наиболее распространенной версии легенды, Ромул и Рем были рождены дочерью альбанского царя Нумитора Реей Сильвией, которую дядя Амулий, отобравший царский престол у брата Нумитора, посвятил в жрицы Весты. Этот незатейливый сюжет, достаточно типичный для архаической мифологии, тесно связан с объяснением древнего порядка передачи царской власти. В соответствии с приведенным выше римским материалом, будучи дочерью царя, Рея должна была выйти замуж за человека, который посредством этого брака получил бы царство. Как жрица Весты Рея, видимо, была посвящена главному мужскому божеству Альбы: обет безбрачия символизировал ее «брак» с богом (в легенде – с Марсом)¹⁷. В обрядах священного брака, символизировавших плодородие и процветание мира и народа, Рея, вероятно, выступала в качестве его ритуальной супруги. При этом роль ее божественного супруга в этих обрядах обычно принадлежала священному царю Альбы, почему традиция и «подозревает», что роль Марса исполнял сам Амулий ([Aug. Vict]. Orig. XIX. 5.). В реальности он и должен был стать мужем Реи Сильвии, поскольку только этим браком он мог обрести законные права на царство Сильвиев. Таким образом, царем Альбы Лонги Амулий был по праву зятя царя. Родившийся у Реи его сын Ромул не имел законных прав на альбанский престол своего отца Амулия. Однако в традиции сохранилось представление, что внук должен наследовать деду, т.е. Ромул Нумитору, тогда как Амулий-отец «незаконно правил» в их царстве.

В этих хорошо известных альбанских «событиях» обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Как известно, верховным божеством Альбы был Iuppiter Latiaris, почитавшийся в священной роще на Альбанской горе. По роще альбанские

¹³ Liv. I. 12.2; Plin. NH. 16.5; *Нетушица И.В.* Легенда о близнецах Ромуле и Реме // ЖМНП. 1902. Ч. 340. С. 124 сл.

¹⁴ Fest. 184 L (= 189 Th.; 177 M.): Niger lapis in Comitio locum funestum significat, ut alii, Romuli morti destinatum, sed non usu ob in... [alii Faus]tulum nutri[cium... alii Hos]tilium avum Tu[lli Hostilii regis].

¹⁵ Schwegler A. Römische Geschichte. Bd I. Tübingen, 1870. S. 478. Anm. 10; *Нетушица.* Легенда... С. 125.

¹⁶ *Контев А.В.* Об «этрuscoй династии» архаического Рима // Античность и современность Европы. Пермь, 1994. С. 68–78.

¹⁷ Ср. Ovid. Fast. VI. 627–628: «Окрисией Туллий рожден был от бога Вулкана, Самой красивой из всех бывших в Корникуле жен» (пер. Ф. Петровского). В свою очередь, Нума считался возлюбленным Эгерии-Дианы, а Сервий Туллий – Фортуну (Mater Matuta).

цари и звались *Silvii* – Лесовиками¹⁸. В легенде же царь Амулий почему-то выступает под личиной не Юпитера, а Марса. Вероятно, образ Марса в данном контексте отнесен к иному слою легенд о Ромуле и Рема, и упоминание о нем следует связывать с палатинским Римом, на который традиция неоднократно указывала как на место поселения выходцев из разных этносов и общин. В оригинальном же контексте легенды ритуальным супругом Реи должен был выступать Юпитер.

Но, в свою очередь, согласно принятым в античной мифологии брачным связям богов, супругой Юпитера считалась Юнона, а Рея – супругой Сатурна. Последний фигурирует в традиции в качестве родоначальника латинских царей Лаврента. Сатурнией назывался Рим, когда его территория еще ограничивалась одним Палатином (*Ovid. Fast. VI. 31*). По одной из версий, его основали Ромул и Телегон, сыновья троянки Ромы и лаврентского царя Латина (*Dionys. I. 1; Plut. Rom. 1*). Священной птицей Лаврента считался дятел (*picus*), имя которого носил один из лаврентских царей – Пик¹⁹. Но дятел был и священной птицей Марса. Вместе с волчицей дятел участвовал в кормлении младенцев Ромула и Рема, выброшенных рекой на склон Палатинского холма (*Plut. Q. Rom. 21*). Возможно, два тотемных животных как-то соотносились с существованием в доромулову эпоху двух священных рощ на Палатине, соответствовавших, видимо, двум культовым центрам. Между этих двух рощ существовал храм Ведийова, основанный Ромулом, учредившим здесь же и *asylum* (*Ovid. Fast. III. 430–432*). Согласно Августину, Ромул сделал Пика богом на Палатине (*De civ. Dei VI. 10*). Вероятно, царством Нумитора-деда и Ромула-внука, в котором «чужим» был Амулий, была не Альба Лонга, а Палатин. В Альбе же Амулий царствовал по праву. Видимо, Рея с Сатурном относились к палатинскому пласту первоначальных мифов²⁰. Возможно, существовал комплекс легенд, в котором Рея и Сатурн связывали лаврентское побережье и римское семихолмье²¹. И эти легенды были древнее альбанской.

Но у Реи Сильвии было еще одно имя – *Ilia/Julia*, которое связывает ее с легендарным Юлом и родом Юлиев²². Согласно традиции, Юл считался сыном Энея и Лавинии, дочери лаврентского царя Латина. Это положение традиционной генеалогии имеет явно искусственный характер. Первоначально сына Энея, как известно, звали Асканий. По поводу Юла античные писатели путались: то ли он был вторым сыном Энея (Асканий от Креусы, а Юл от Лавинии), то ли это единственный Асканий по прибытии в Лаций поменял имя на Юл. Этот Юл считался основателем Альбы Лонги. Вероятнее всего, появление этого второго сына (или изменение имени первого) потребовалось для установления связи утвердившегося на побережье близ Лавиния культа Энея с альбанским религиозным центром. В версии, согласно которой сын Энея Асканий сначала звался *Iovis*, а потом *Iulus* (*[Aug. Vict]. Orig. XV. 5*), явно отразилось воспоминание о том, что Юпитер в городах побережья и Лавинии носил имя *Iovis*. Перемена его имени с *Iovis* на *Iulus* могла иметь две возможные причины. Можно предположить, что Юл первоначально был совершенно самостоятельной

¹⁸ *Laroche R.A. The Alban King-List in Dionysius I, 70–71: a numerical analysis // Historia. 1982. 31. P. 112–119.*

¹⁹ *Fest. 228 L: Picum avem quidam dictum putant a Pico rege Aboriginum, quod is solitus sit; cf. Dionys. I. 14.5; Plin. NH. 10.20; Ovid. Met. XIV. 320 sq.; Plut. Numa. 15.*

²⁰ Особую проблему представляет посвящение Реи Сильвии в весталки. Веста (*Ve-sta*), по-видимому, принадлежала к ряду божеств с корнем *Ve-* в названиях: *Venus, Venilia, Veiovis, Vediiovis, Vegradia, Vesca, Iuventa* и др. Традиционные сказания также связывают этих богов с притибрским побережьем Лация и римскими холмами Палатином и Капитолием. Например: *Ovid. Met. XIV. 333–338; Fast. III. 445–448; Macrobi. Sat. 3.9.10; CIL I. 807.*

²¹ На Авентинском холме Рея тайно родила сына от Геркулеса (*Verg. Aen. VII. 655–669*). Этого Авентина Вергилий поместил во времена царя Латина, которому он помогал воевать против Турна. Плутарх (*Numa, 15*) помещал на Авентине Пика и Фавна.

²² *Serv. ad Aen. VI. 778: Eunus dicit Iliam fuisse filiam Aeneae; quod si est Aeneas avus est Romuli; Cic. De div. I. 20.40; Porphyry. in carm. I.2.17; Serv. ad Aen. I. 273; Plut. Rom.3; Ovid. Fast. II. 598; IV. 23; VI. 291; Hemyusil. Легенда... С. 58–61.*

мифологической фигурой, связанной исключительно с Альбой. В альбанской традиции он считался легендарным основателем «города» и династии царей Сильвиев. А сама Альба первоначально называлась Ioulia по имени Iia, которая была жрицей Юноны-Геры ([Plut]. Parall. 36). Следовательно, Iulus (Ius) должен был быть главным божеством города, а Silvii правили последним в качестве его персонификации. Их «тронным» именем, подобно палатинским Ромам, видимо, должен был быть попен Iulii (Iii). Иными словами, Iulii действительно были архаическим альбанским царским родом, в чем их потомки несколько не сомневались вплоть до эпохи империи. Связь Юлиев с Юлом-Йовом можно было бы считать следствием вмешательства в традицию идеологических устремлений Августа, однако сообщается, что происхождение Юлиев от Юла было известно уже Катону в его «Origines» ([Aur. Vict]. Orig. XV. 5). Последующее включение культа альбанского Юла в единую систему верований, связанных с почитанием Iovis на побережье и в Риме, привело к перемене имени Iulus на Iovis²³.

Таким образом, в «священном браке» вместо весталки Реи Сильвии и Марса-Амулия в более архаическом пласте альбанских сказаний должны были фигурировать царская дочь-жена Iia и священный царь «города» Iulus-Ius. Или все-таки Амулий? Плутарх полагал, что имя Амулия производно от греческого Amolios. Однако, скорее, оно было искаженным латинским Aemilius. По одной из легендарных версий, матерью Ромула была Эмилия (Plut. Rom. 2). Согласно другой легенде, у Аскания (т.е. Юла) было два сына, одного звали Iulius, а другого Aemylos²⁴. Это сообщение явно коррелирует с утверждением традиции, что Амулий был «братом» Нумитора. По всей вероятности, Эмилии первоначально были родом, связанным с Юлиями брачными отношениями (отсюда, видимо, и этимология номена Aemilius от Aemulus Iulus – «соперник-сторонник Юла или Юлиев»). Если легендарный Амулий был представителем Эмилиев, то за палатинским именем его «брата» Нумитора должен был скрываться представитель рода Юлиев. Поэтому дочь последнего и звали Илия-Юлия. «Братьями» в таком случае эти Эмилий и Юлий могли быть в соответствии с нормами кросскузенного брака.

В легенде, видимо, наложились друг на друга разные нормы наследования титула рекса. *Первой* из них был обмен брачными партнерами – двоюродными «братями» между родами Юлиев и Эмилиев. В таком случае Амулий и Нумитор были одно-возрастными «братями»-кузенами, а Рея Сильвия – племянницей Амулия. *Другой* нормой было наследование от деда (avus) к внуку через зятя первого, приходившегося последнему дядей по материнской линии (avunculus), т.е. от Нумитора через Амулия к Ромулу. В этом случае Амулий был двоюродным братом не Нумитора, а Реи Сильвии. *Третьей* нормой была последовательная смена в качестве временных обладателей титула трех «братьев» одного рода. Если Амулий был «братом» Нумитора, то по окончании срока пребывания Нумитора у власти его место занимал Амулий, получая не только титул Нумитора, но и его «жену», фактически – «сестру» жены Нумитора. Претензия Амулия на роль мужа Реи Сильвии – «дочери» жены Нумитора, т.е. «жены» для следующего поколения – означала его стремление удержать титул еще на один срок, что и рассматривалось как узурпация. Амулий, видимо, хотел обеспечить продолжение своего правления женитьбой на племяннице (дочери брата). Следовательно, по праву титул переходил к тому, кто женился на ней. Возвращение Нумитора к власти означало включение его в качестве третьего «брата» в триаду Нумитор – Амулий – Нумитор. Подобно палатинским Ромам и Ромулам альбанские

²³ Не лишено основания предположение, что в Альбе почитался тот же Iovis, что и на побережье, и «город», как и весталка Юлия, первоначально именовался Iovia. Замена в традиции Йовиев на Юлиев была произведена в конце республики в интересах рода Юлиев. Ср. Richard J.-Cl. Sur une triple étimologie du nom Iulus: Serv. Aen. I. 267 et Ps.-Aur. Vict. orig. 15.5 // Hommages à J. Bayet. Bruxelles, 1970. P. 232–244.

²⁴ Fest. 22 L: Aemiliam gentem appellatam dicunt a Mamerco Pythagorae philosophi filio, cui propter unicam humanitatem cognomen fuerit Aemylos. Alii, quod ab Ascanio descendat, qui duos habuerit filios, Iul(i)um et Aemylon.

Юлии и Эмилии представляли поколенные группы претендентов на власть (как впоследствии Горации и Куриации).

Предложенная реконструкция данных традиции позволяет понять, что появившийся после смерти Ромула на дороге из Альбы в Рим Прокул Юлий вовсе не был случайным искателем царской власти в Риме. По всей видимости, он следовал туда путем Ромула, который с этой точки зрения также выглядит далеко не случайным «подкидышем» на Палатине. По своим альбанским родителям Ромул должен был быть либо Юлием, либо Эмилием. Вероятно, палатинские Ромы некогда заключили сакральный брачный союз с альбанскими Юлиями или, быть может, Юлиями и Эмилиями вместе. Скорее всего, в этом союзе не было ничего необычного для данного региона. Такие же брачные союзы между сакральными правящими родами (а, возможно, и между общинами) «городов» Лация становились все более обычным делом по мере сокращения свободных земель и увеличения плотности населения. Судя по этнографической литературе, чередование у царской власти дедов и их внуков (по дочери) уходит корнями в эпоху свободных территорий. Тогда социальные «дети» поколения «дедов» (четвертое поколение от основателей поселка), достигнув возраста инициаций (14–16 лет), основывали новое поселение²⁵. В свою очередь их «дети» – «внуки» поколения «дедов», появившись на свет в экзогамном по отношению к коллективу «дедов» коллективе, имели преимущественное эпигамное право на брак с одновозрастными «кузинами» из коллектива «дедов» – «дочерьми» их социальных «дочерей». Таким образом, «материнское» и «дочернее» поселения оказывались связанными между собой отношениями кросскузенного брака²⁶. В каждом из них «внуки» были более близкой поколению «дедов» категорий, нежели «отцы», уходившие в другое поселение и занимавшие поэтому промежуточное положение²⁷. Исследования М. Беттини показывают, что в римском обществе отношения между дедами и внуками были более теплыми, нежели между отцами и сыновьями²⁸.

Отношения близости и доверительности между дедом (*avus*) и внуками (*nepotes*) были похожи на отношения между дядей с материнской стороны (*avunculus*) и племянниками (*sogoris filii*). Это еще раз подтвердило выводы о сходстве терминов *avus* и *avunculus*, в соответствии с которыми слово *avunculus* означало «младший дед»²⁹. Возникшее в эпоху архаики, это соотношение, видимо, определялось ре-

²⁵ Основание нового поселения, по-видимому, происходило в связи с ритуалом *ver sacrum*, проводившимся по прошествии срока «поколения» (30 лет). Видимо, он обозначал вступление прежних социальных «детей» в возраст «отцов». В это же время поколение реальных детей будущих «отцов» достигало репродуктивного возраста. Чтобы устранить возможность конфликта между ними (и у тех, и у других рождались дети, которые по линейному родству имели равные права, а по классификационному – нет), и устраивалось выселение. Об основании Альбы через 30 лет после Лавиния см. *Liv. I. 3.4; [Aur. Vict]. Orig. XVII. 1.*

²⁶ Вероятно, уже в эпоху архаики возрастной цикл стал исчисляться круглым и сакральным числом – 60 лет. Некратность 60-ти 8-летним периодам преодолевалась сокращением возраста *pueritia* с 16 до 14 лет (*infantia* – с 8 до 7). В таком случае от инициации «деда» до инициации его социальных «детей» проходило шесть периодов, а весь возрастной цикл состоял из семи: 14/16 (возраст инициаций) – 22 – 30 – 38 – 46 (завершение социально активного периода – переход в *seniores*) – 54–60 (возраст инициации «детей»).

²⁷ Ср. *Гиренко Н.М.* К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной Африки // Африканский этнографический сборник. Т. 109. Л., 1980. С. 24 сл.

²⁸ *Bettini. Familie...* S. 51–79. Именно такое положение зафиксировано в варианте легенды о сыне и внуке Энея ([*Aur. Vict.*] *Orig. XVI–XVII*). У него было два сына: Асканий от Креусы и Сильвий Постум от Лавинии. В свою очередь, у Аскания, основавшего Альбу, имелся сын Юл. После смерти Аскания между сыном и внуком Энея началась борьба за власть, в результате которой было признано, что больше прав на власть в Альбе имеет Сильвий (однако не ясно, на каком именно основании: то ли как сын Энея, то ли как внук Латина, то ли как социальный «сын» Аскания). Согласно традиции, пенаты Аскания остались в Лавинии, т.е. он не считался основателем Альбы. Следовательно, вероятно, что Юл получил царство в Лавинии по наследству от деда Энея, а Сильвий – царство в Альбе как основатель этого города.

²⁹ *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 75; *Bettini. Familie...* S. 57, 66.

альным положением «дяди со стороны матери», который, будучи мужем дочери деда (отцовской сестры), оказывался реальным хранителем и передаточным звеном в цепи между дедом и внуком.

По всей видимости, некогда эти отношения явились первоначальной формой генеалогической родственной связи, возникшей в условиях господства классификационного родства. В соответствии с классификационными нормами внуки принадлежали к поколению социальных «сыновей». Реальные старшие сыновья «отцов» были социальными «сыновьями» старшего поколения, поэтому их отношения с отцами не имели социального значения. Младшие сыновья были одновременно и социальными «сыновьями», в поколении которых они образовывали небольшую группу (три брата). Старшие внуки были одновозрастными младшим сыновьям и, следовательно, принадлежали к социальным «сыновьям» своего деда. В переходный период, когда приобретавшее социальную значимость генеалогическое родство еще соседствовало с классификационным, «дед» (*avus*), представлявший поколение социальных «отцов», воспитывал и готовил к инициациям своих младших сыновей, вычленившихся из числа его социальных «сыновей». В то же время муж его старшей дочери (*avunculus*) выполнял ту же роль для другой группы социальных «сыновей» деда – его внуков (сыновей младшей сестры). Когда переходная эпоха от классификационного к генеалогическому родству закончилась, младшие сыновья перестали играть социально значимую роль, в отличие от внуков, которые оказались связаны и с дедом (*avus*), и с его бывшим заместителем (*avunculus*)³⁰.

Это положение, по-видимому, отразилось в альбанской легенде о взаимоотношениях Нумитора, Амулия и Ромула. Сокращение свободных земель привело к тому, что поколение инициированных «детей» перестало выселяться и по достижении брачного возраста превращалось в экзогамную по отношению ко всей общине группу. С этого времени становится необходимым учет поколений, ведущийся от поколения создателей общины. Создавался стимул как для усложнения социальных отношений внутри общины, так и для завязывания прочных связей с другими общинами. Царские сыновья, не имевшие прав на царскую власть в своем «городе», теперь отправлялись искать себе царства не просто «куда глаза глядят», а по заранее произведенному родителями матримониальному расчету брачных возможностей, которые во многом зависели от количества вовлеченных в союз «городов». Потомство от таких браков на чужбине оказывалось связано узами родства как по месту жительства, так и по месту происхождения своего родоначальника.

Проявление этой тенденции можно предположить на основе данных о римском роде Гостилиев. Как уже отмечалось, традиция несколько смешивала Ромула и Госта Гостилия, вследствие чего возникло предположение о возможном тождестве этих легендарных фигур. Очевидно, что если Гостилии были происходившими от Ромула или связанными с Ромулом римскими сородичами Юлиев, то они поддерживали с Альбой тесные контакты. Тогда появление на римском престоле Тулла Гостилия не было случайностью в той же степени, как и все, что происходило в архаическом Риме. Направлявшийся Ромулом в Альбу «наместник» был таким же представителем палатинского правящего рода, как и Прокул Юлий альбанского. Характер связи Альбы с палатинским Римом, таким образом, вырисовывается довольно ясно. Сложнее вопрос о времени ее установления. Существовала ли она уже какое-то время перед

³⁰ В этом отношении обращают на себя внимание фигуры Ромула и Рема. Как отмечал еще И.В. Нетушил, у Плутарха и даже у Ливия Рем играет первенствующую роль (Легенда... С. 58). Поэтому он полагал, что первоначальных героев легенды Рома и Ромула римляне заменили Ромулом и Ремом. При этом у греческих писателей Ром и Ромул выступали братьями вообще, и только Диокл впервые назвал их близнецами. Можно предположить, что за легендарными фигурами братьев-близнецов Рема-Рома и Ромула скрывались социальные «братья», один из которых (Ром) был сыном своего социального «отца» (деда Нумитора), а другой (Ромул) – его внуком. В таком случае соответствие имен Ром – Ромул (как и Прока – Прокул) обозначало выделение в рамках одного возрастного поколения социальных «детей» – «братьев» двух разных с точки зрения линейного родства групп: детей и внуков социальных «отцов».

появлением исторического Ромула или появление Ромула и знаменовало установление этой связи? Римская традиция ориентируется на последний вариант. Однако, может быть, следует предполагать существование на Палатине целого ряда Ромулов, слившихся в традиции в образ основателя Рима.

3. ПАЛАТИН, АЛЬБА И КУРЫ: ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕХРОДОВОГО СОЮЗА

Вероятно, с последним из Ромулов, вошедшим в историю как реформатор и основатель Рима, связана легенда о похищении сабинянок. Одна из них – Герсилия – стала женой Ромула. Плутарх подчеркивал, что Герсилия была единственной замужней женщиной из числа похищенных сабинянок. Ее имя *Hersilia* наводит на мысль о связи, с одной стороны, с Илиями-Юлиями, а с другой, с культом на Капитолии сабинского варианта Юноны – богини Нога, связанной с Квирином (Ovid. *Met.* XIV. 851; Plut. *Q. Rom.* 46). В качестве жрицы она, видимо, была такой же представительницей сабинской царской «династии», как и Илия в Альбе Лонге. Поэтому женитьба на ней Ромула была не случайностью, а продуманным актом, возводившим его в ранг царя окрестных сабинян. Ромул, видимо, отобрал жену у прежнего сабинского царя.

По легенде, в начавшейся затем войне сабиняне захватили крепость на Капитолии в результате предательства Тарпеи, дочери римского военачальника. Она была весталкой, что для этой эпохи является указанием на ее принадлежность к царскому роду. Овидий называл Тарпею Сатурновой дочерью и различал на Капитолии святилище Нумы и Юпитерову крепость (*Fast.* I. 266; II. 69–70). Плутарх сообщает, что Тарпея, возможно, была дочерью Тита Тация и стала женой Ромула (*Rom.* 17). Первая сабинская жена Ромула Герсилия давала ему возможность распространить свою царственность на сабинян. Но срок правления архаического рекса был ограничен. Поэтому потребовалась новая женитьба Ромула на сабинской царевне. «Предательство» Тарпеи, вероятно, состояло в том, что вместо обещанного прежде брачного союза с палатинцами Тарпеи заключили союз с сабинянами. Произошло это после того, как правивший, согласно традиции, вместе с Ромулом (а в реальности, скорее всего, вместо него) Тит Таций был убит в латинском Лавинии. Вероятно, мужем Тарпеи-Тации должен был стать легендарный Меттий Курций, гентилиций которого в равной степени указывает на связь как с эпитетом богини Нога – *Curita*, легендарными Курами, так и с Куриациями. Это породило конфликт, в результате которого общины Капитолия оказались присоединены к Палатину.

В традиционном описании решающего сражения на месте будущего Форума войсками руководили по два вождя. С сабинской стороны – Тит Таций и Меттий Курций, а с римской – Ромул и Гост Гостилий. По-видимому, традиционная версия событий возникла вследствие того, что во главе конфликтовавших сторон ее авторами мыслились Ромул и Тит Таций, а реальные предания, которыми они располагали, указывали на Гостилия и Курция. Псевдоимя *Metlius* производно от древнего оскского *meddix* – «предводитель»³¹. Он командовал сабинянами в битве с Гостилием и оставил о себе память в виде *Iacus Curtius*, названного так потому, что в пылу битвы конь занес туда вождя сабинян. Однако Овидий передает версию, согласно которой «Курциево озеро» находилось в роще, бывшей святилищем некоего бога (*Fast.* VI. 403–414). Вероятно, Курций был такой же сакральной фигурой, как и прочие архаические рексы. Его «владения» находились в непосредственной близости от Палатина. Спор с Ромулом-Гостилием за руку Тарпеи-Тации закончился какими-то выпавшими из традиции событиями. В битве как будто победили римляне, однако погиб не Курций, а Гостилий. Капитолийская вершина досталась сабинянам, но они

³¹ *Fest.* 110 L: *Meddix apud Oscos nomen magistratus est, Ennius (Ann. 298): «Summus ibi capitur meddix, occiditur alter».*

сами умертвили Тарпею способом, описание которого наводит на мысль о его сакральном характере. Могло быть и так, что мир между римлянами и сабинянами был достигнут на основе договора, в соответствии с которым Тарпея передавалась в жены палатинскому рексу, а Меттий Курций довольствовался заключением брачного контракта с царевной из Альбы. Такое решение, если оно имело место, было наиболее реальным и выгодным для всех трех сторон. Римляне Палатина объединялись с непосредственными соседями сабинянами в единое вожжество, а их сородичи из удаленной Альбы расширяли возможности своих брачных контактов. Таким образом можно объяснить появление в латинской Альбе носителей сабинского *popel Curiatii* (*Curtii* ?).

Логика такого рода рассуждений подводит нас к предположению, что и Нума Помпилий был не чистокровным сабинянином, а сыном отца-сабинянина и матери-альбанки. Современные исследователи говорят о возможном несабинском происхождении имени Нума³². Видимо, не случайно именно фигура Нумы оказалась более подходящей на роль римского царя, чем чистый альбанец Прокул Юлий и чистый сабинянин Велес (Волезий/Валерий?)³³. Согласно традиции, Нума Помпилий был у своего отца Помпония четвертым сыном и как таковой исключался из наследования титула городского рекса триадой старших «братьев». Поэтому он жил частным человеком в Курах. Женильба на социальной «дочери» сабинского рекса Тации (которая, видимо, не предшествовала воцарению Нумы в Риме, а была связана с ним) ввела Нуму в качестве побратима в триаду одного поколения с Ромулом, также женившегося на Тации (Тарпее). Это обстоятельство, видимо, следует трактовать как женильбу на социальных «сестрах», носительницах царственности³⁴. Женильба Нумы на Тации указывает на то, что срок его правления должен был составить два 8-летних периода, оставшихся от 24-летия, первую треть которого царствовал Ромул, также женатый на Тации. Удлинение срока правления Ромула по сравнению с нормативным 24-летием, возможно, связано с включением в него традицией, стремившейся подогнать число царей к сакральному числу «семь», правления Тита Тация. Последнего можно было бы рассматривать в роли третьего «брата» Ромула и Госта Гостилия, женатых на Герсилиях. Вероятно, Ромул, правивший после Тация, – это уже другой царь³⁵. Именно он был женат на «дочери» Тация и был одного поколения с Нумой. События на Козьем болоте, видимо, следует трактовать как жертвоприношение Ромула³⁶. Последовавшее за этим объявление его Квирином было использовано для установления сакрального единства палатинских римлян и сабинян.

Очевидно, Нуме было над чем задуматься после сакрального заклания последнего Ромула. Поэтому, быть может, он столь долго колебался перед принятием титула рекса. В римской традиции правление Нумы выглядит беспрецедентно длинным, а сам он (видимо, именно благодаря этому) чрезвычайно мудрым³⁷. Два восьмилетия

³² Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 111 сл.

³³ Дионисий писал, что Валерий был советником Тита Тация (II. 46; cf. *Plut. Popl.* 1). Плутарх упоминает некоего Велеса (*Numa*. 5). Нума мог быть в родстве, хотя и не напрямую, с одним из предшествующих палатинских царей (возможно, с Нумитором, носившим «тронное» имя Рома).

³⁴ В свою очередь, Нума имел четырех сыновей, младший из которых Мамерк считался основателем рода Эмилиев (*Plut. Numa*, 21). Однако Эмилии, как и Юлии, возводили себя к Энею. Вероятно, Мамерк, как четвертый сын, стал мужем одной из Эмилиев в Альбе (или где-то в другом месте, ибо при переселении альбанцев Эмилии не фигурировали в числе родов, введенных Туллом Гостилием в число патрициев).

³⁵ Если из 37-и лет правления Ромула вычесть 5 лет правления Тация, то на долю обоих Ромулов останутся те же 32 года, которых добился Тулл Гостилий.

³⁶ *Eddlund I.E.M.* Must a King die? The Death and Disappearance of Romulus // *Parola del Passato*. 1984. 39. P. 401–408.

³⁷ Традиционная версия о более чем 80-летней жизни Нумы (*Plut. Numa*. 21) вряд ли верна. Она явно удваивает некий ряд событий в жизни Нумы. Согласно традиции, женильба на Тации не принесла Нуме царской власти, и он жил с ней частным человеком в Курах, а в должности рекса ему предстояло вступить уже в зрелом возрасте, после смерти Тации. По Плутарху (*Numa*, 3), Тация умерла на тринадцатом году после свадьбы. Однако в соответствии с нормами архаики события должны были развиваться несколько иначе. Поскольку формальной носительницей сакральной власти была Тация, с ее смертью Нума был

его правления приходится на одно поколение с последним Ромулом в качестве мужа Тации, а три восьмилетних срока логично соотносить с триадой его старших «сыновей». Однако вполне возможно, что в реальности один из этих двух сроков правил не Нума, а царь с другим именем. Отредактированная ради сохранения сакрального числа семи царей, традиция и последующим рексам приписывает стремление сохранять власть как можно дольше. Но за всем этим явно кроется представление об освященной традицией норме, на которую те вынуждены были ориентироваться – 24 года, состоявшие из трех восьмилетий триады «братьев»³⁸.

По легенде, один из Куриациев был помолвлен с сестрой Горациев и тем самым, подобно «царскому жениху» Прокулу Юлию, претендовал на власть в Риме после Тулла Гостилия. Однако Тулла не устраивал такой традиционный расклад. Быть может, используя прецедент Нумы Помпилия, он считал, что отныне альбанцы будут выставлять жениха римской царевне не прямо, а через посредство своих сабинских родственников. В традиции о Горациях и Куриациях брак представляемых ими «династий» носит очевидный характер брака между кузенами, но не выглядит кросскузенным. Ведь в таком случае следовало бы ожидать помолвки кого-то из братьев Горациев с одной из Куриаций. Однако ни о чем таком традиция не сообщает. Это могло означать, что альбанские Куриации женились на Горациях, а «братья» последние искали себе жен среди римских девушек, «братья» которых, в свою очередь, женились на альбанках. Но Горации могли быть римлянами сабинского или, вернее, связанного с сабинянами южнолатинского происхождения. Третьим брачующимся с Горациями и Куриациями родом скорее всего были Гостилии. Брачный союз такого типа Д.А. Ольдерогге назвал трехродовым³⁹.

Согласно римской традиции, до Анка Марция в числе палатинских рексов были только римляне (Ромул и Тулл Гостилий) и сабиняне (Таций, Нума). Но при внимательном рассмотрении оказывается, что рексами Палатина были пришельцы либо из Альбы (Ромул и/или Гостилий), либо из Кур (Таций и Нума). Особенностью трехзвенного союза Альбы, Палатина и Кур стало выставление не трех, а двух рексов – в Альбе и на Палатине, поскольку объединенные с Палатином сабинские Куры вошли в состав Рима. Вероятно, в этом и состояла суть возникшей при Тулле

вынужден сложить с себя полномочия и жить частным лицом в течение трех-пяти лет, оставшихся до окончания очередного сакрального восьмилетия. Так что правление его началось не в 40-летнем возрасте, как следует из логики письменной традиции, а в обычный срок, связанный с инициациями – 16–17 лет. Вопрос лишь в том, где Нума был рексом первые 13 лет – в Курах или на Палатине? Согласно Ливию (I. 21.6), Нума правил 43 года. У Цицерона 39 лет его правления (De her. II. 27.14) сопоставляются с 37-летним царствованием Ромула (ibid. 17.10). Максимальная же цифра Ливия (как и 44 года правления Сервия Туллия) производна от 60-летнего человеческого «века» архаической эпохи: пройдя инициации в 16 лет, человек достигал последнего рубежа, на котором еще фиксировалась его социальная жизнь, через 43–44 года.

³⁸ Вероятно, такая же норма действовала и в соседних с Римом общинах. Древний Тибур носил имя Тибургия – «третьего брата», правившего там в то время, когда два его «брата-близнеца» Кор и Катилл отправились помогать царю Латину в войне с рутулами (Verg. Aen. VII. 670–672). Должно быть, отец знаменитой коллатинской Лукреции также не случайно носил прозвище Триципитин – «трехглавый».

³⁹ *Ольдерогге Д.А.* Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии // *Ольдерогге Д.А.* Эпигамия. М., 1983. С. 23–41. При известных условиях трехродовые союзы могли разрастаться и до большего числа членов, превращаясь в кольцевой союз брачующихся родов. Вероятно, с переходом общества от организации, основанной на классификационных нормах, к строю, в основе которого лежал генеалогический род, трехродовой союз (как наименьшая ячейка такого рода) приходил на смену дуальной эпигамии родственных экзогамных общин «дедов»/«внуков» – «отцов». Возможно, трехзвенный союз возникал в эпоху расселения на свободных землях иницированных поколений в тех случаях, когда поколение «внуков» не возвращалось в общину «дедов», а основывало новое поселение. Трехзвенность оформляла брачные связи экзогамных поколений соседних общин с сохранением норм дуальной эпигамии. При этом ориентация на три соседние и последовательно возникавшие общины, имевшая практическое значение, привела к сакральному закреплению трехзвенности, несмотря на то что реальные цепочки связей между общинами могли далеко выходить за ее пределы. Вероятно, поэтому римская традиция настойчиво связывала с Ромулом только двух сподвижников: в качестве одного прочно утвердился Таций, а роль второго отводилась то легендарному Гостилию, то загадочному Лукомуноу.

Гостилии «альбанской проблемы»⁴⁰. Альбанцы ориентировались на традицию эпигамного брака, в соответствии с которой Рим и Альба обменивались царским потомством. Для них римляне Палатина составляли единое целое с сабинянами. Сабиняне ориентировались на союз с Ромулом, в соответствии с которым они получали титул рекса на Палатине в очередь с альбанцами. Для них альбанцы составляли единое целое с первоначальными римлянами. Римляне Палатина оказывались на перепутье: с альбанцами их связывала традиция дуальной эпигамии, с сабинянами – объединение, произведенное Ромулом. В традиции Тулл Гостилий выглядит первым римлянином на отеческом «троне». Однако в качестве внука Госта Гостилия он, возможно, был альбанцем. Тогда именно поэтому он имел больше прав на титул рекса Палатина, чем Марк/Нума Марций. В доромулову эпоху Марции, видимо, были связаны с рексами Кур такими же эпигамными узами, как альбанские Юлии с рексами Палатина. Возникший трехзвенный союз правящих родов Альбы, Палатина и сабинских Кур функционировал наряду с сохранением преимущественной дуальной эпигамии между альбанцами и палатинцами. Но для последних практичнее были брачные отношения с сабинскими соседями, как следует из легенды о похищении сабинянок. Так что недовольство альбанцев могло быть вызвано не только или не столько просабинской ориентацией палатинской «династии», но и расширившимися брачными контактами населения римских холмов. В ответ на это Тулл Гостилий не нашел ничего лучшего, чем переселить альбанцев на соседней с Палатином Целий, т.е. восстановить былое единство двух народов, поменяв лишь «социальные знаки»: ведущей группой (трибой) стали римляне, а не альбанцы. Тем самым альбанцы и сабины оказались в равном положении по отношению к обитателям Палатина.

Коль скоро трехзвенный союз состоял из Гостилиев, Горациев и Куриациев, матери Горациев и Куриациев не могли быть родными сестрами-близнецами из Альбы, а скорее были принадлежавшими к одному возрастному поколению социальными «сестрами». Видимо, не случайно сами древние путались при определении этнической принадлежности их потомства. Затруднения могли возникать из-за того, что позднейшие авторы исходили из представления о «естественной» патри- или вирилокальности римского брака. Однако в эпоху архаики царские браки первоначально были уксорилокальны, поскольку в роли носителя царственности выступала царица – дочь предшествующего царя. В случае уксорилокальности «матерью» Горациев должна была быть римлянка, проживавшая в Риме с мужем Горацием, а «матерью» Куриациев – альбанка, проживавшая в Альбе с мужем Куриацием [из Кур]. Римлянка могла носить *nomen* *Hostilia*, а альбанка – *nomen* *Iulia*. «Отцы» «братьев» – Гораций и Куриаций – были, вероятно, родственниками сабинского или связанного с сабинянами происхождения. Сабинские *nomina* их «сыновей» можно производить от *capitoliensis* *Numa-Iuno* в качестве обозначения связанных эпигамией подразделений дуально-возрастной группы. «Матери» – Гостилия и Юлия – также состояли в родстве как двоюродные сестры. Сам же Тулл Гостилий, видимо, был женат на одной из Гораций и «дети» ее «брата» – «близнецы» Горация – были его племянниками, т.е. более близкими наследниками, чем родные сыновья. В этом случае, убивая сестру, Гораций-победитель прерывал женскую линию сабинского царского рода, вероятно, из тех же соображений, что и при убийстве Тарпеи, и, возможно, «самоубийстве» Лукреции. Взамен сабиняне получили право выставить своего Марция (внука/сына покончившего самоубийством из-за провалившейся попытки стать римским царем Марция) в качестве мужа палатинской царевне, вероятно, Гостилии⁴¹.

⁴⁰ Впервые она дала о себе знать сразу же после смерти Ромула, когда на роль рекса претендовали Прокул Юлий, которого поддерживали римляне, и Велес, за которого стояли сабиняне Тация (*Nupta*, 5), а в итоге выбор остановился на Нуме. Однако такой компромисс оказался лишь временным решением.

⁴¹ Версия о том, что матери Горациев и Куриациев были родными сестрами-близнецами, по-видимому, строилась на основе некоей модели, отвечавшей требованиям более ранних социально-правовых норм. Согласно Дж. Франчиози, в Лации существовала форма матрилateralного параллельно-кузенного брака, в соответствии с которой брачными партнерами становились дети сестер. В качестве аргумента Франчиози ссылается на традицию о Горациях и Куриациях, а также на легенду о несостоявшемся браке Турна и

Союз Тулла Гостилия с сабинянами определяли не только дальние политические расчеты. Вероятно, своего ставленника на роль рекса предлагали сабинские сородичи Нумы Помпилия, провоцируемые авторитетными Марциями. Последние формально как будто стояли в стороне от этих проблем, но именно они в конечном итоге выиграли спор за власть в Риме и утвердили после Тулла Гостилия царем Анка Марция. Происхождение Марциев скрыто во мраке. Согласно римской традиции, Нума привел с собой Марциев в Рим из сабинских Кур. Их родоначальник в Риме – Марк Марций – упоминается в качестве одного из двух лиц, подвигших Нуму на принятие титула римского рекса (вторым был отец Нумы). Как уже отмечалось, в эпоху архаики более близким, чем отец, родственником для юноши был либо его дед по матери, либо брат последней. А не был ли Марк Марций материнским дядей (*avunculus*) Нумы Помпилия? В таком случае не исключено, что Марций был вторым – после Тация – тестем Нумы.

Одну из жен Нумы Помпилия звали Лукрецией. Но Лукреции стали играть важную роль в Риме позднее, при последнем Тарквинии и в начале республики. К тому времени традиция относит легенду о Лукреции, бывшей женой Тарквиния Коллатина, племянника Тарквиния Суперба. Ее отец Спурий Лукреций Триципитин занимал важную должность в Риме при Тарквинии Супербе и сохранил свой авторитет после республиканского переворота. Сервий (*ad Aen.* VIII. 646) сообщает, что Брут был *avunculus* Лукреции. Это означает, что ее отец Лукреций Триципитин был женат на сестре Брута и через Юниев находился в родстве с Тарквинием Супербом. Эти Лукреции связывали Рим с Коллацией. Однако коллатинские рексы носили «гронное» имя Эгерии. Эгерием стал младший брат Тарквиния Приска, женившись на местной царевне (*Liv.* I.34.3; 38.1). Его внуком был Тарквиний Коллатин, жену которого – Лукрецию – оспаривал Секст Тарквиний, считавшийся в традиции сыном Тарквиния Приска, но правивший в Габиях. Возможно, Габии и Коллация были связаны между собой брачным союзом. Видимо, Коллация была одним из центров культа Эгерии, отождествлявшейся с Дианой. Наиболее известным из центров поклонения Диане-Эгерии была роща в Ариции⁴². Эгерия также считалась возлюбленной Нумы. По преданию, он встречался с ней в роще у подножия Эсквилина. Быть может, это была роща известного Меттия Курция? В таком случае напрашивается предположение, что за фигурой Курция (Куриация) скрывается либо Таций из Кур, либо кто-то другой, а Эгерией была или дочь Тация, на которой был женат Нума, или кто-то еще. Культ Эгерии связывал родину Тациев – легендарные Куры – с Коллацией, откуда происходила Лукреция, вторая жена Нумы.

Связи царей палатинского Рима с Коллацией выводят и на более отдаленные контакты. С коллатинскими Эгериями были связаны Тарквинии затибрского Яникула, а Нума, как известно, был похоронен у подножия одноименного римского холма (*Plut. Numa.* 22). С Янусом типологически соотносилась Диана-Эгерия (*Ianus – Iana, Dianus – Diana*)⁴³. Диана считалась гентильным божеством Кальпурниев, возводивших свое происхождение к сыну Нумы Кальпу (*Cic. De har. resp.* 32). С другой стороны, культ Дианы-Эгерии уходит корнями на юг, в область Ариции. Его носи-

Лавинии (*op. cit.*, p. 82 ss.). Напротив, М. Беттини обращает внимание на то, что ни одна из легендарных помолвок не окончилась заключением брака (*Familie...* S. 220 f. Anm. 75), и подчеркивает мифологический характер этих сведений. По его мнению, ортокузенный брак был в архаическом Лации под запретом, а реальностью был кросскузенный брак между сыном брата и дочерью сестры.

⁴² *Verg. Aen.* VII. 762–764; 774–775; *Fest.* 128 L.

⁴³ *Cp. Varr. RR.* I. 37.1–3; *Macrob. Sat.* VII.16.27 sqq. Иоанн Лид передает, что одним из эпитетов Януса был Куриаций (IV. 1). После освобождения убившего сестру Горация от наказания жрецы воздвигли два алтаря – в честь Юноны, покровительницы сестер, и в честь Януса, получившего еще прозвание одного из убитых Куриациев (*Dionys.* III.22). По другому поводу Дионисий сообщает, что когда латини и сабиняне заспорили по поводу освящения храма Дианы на Авентине при Сервии Туллии, сабинянина, который владел коровой, посвященной затем Диане, звали Коратий, т.е. Кориатий > Куриаций (III. 13 sqq.).

телями в окрестностях Рима, видимо, были какие-то группы, имевшие южнолатинские и сабино-затибрские связи. Вероятно, постройка храма Дианы на Авентине при Сервии Туллии была следствием роста их влияния. Концентрация населения на Авентине была связана с деятельностью внука Нумы Анка Марция. Об этом влиянии свидетельствует внедрение в ранние пласты легендарной римской истории сказаний о распространении культа Януса на семихолмье. В традиции Янус занимает второе место после Сатурна в качестве верховного божества. Ему на смену, как известно, пришел альбанский Юпитер, который, однако, первоначально принимал обличье Марса. Видимо, конкуренция этих божеств местного италийского происхождения отражает некую последовательность контактов обитателей Палатина с соседями – носителями их культов. Как отмечалось выше, Сатурн связывал Рим с лаврентийским побережьем, Iulus-Юпитер – с Альбой Лонгой, Iovis – с Лавинием. Более проблематичны истоки культов Януса и Марса.

Возможно, с культом Марса был связан род Марциев, выступающий в традиции одним из родов смешанной латинско-сабинской ориентации. Вполне вероятно, что Марции представляли собой царскую ветвь из области, вперемешку заселенной латинами и сабинянами. Судя по политике переселений Анка Марция, они были связаны не только с местными Лукрециями и Эгериями, но через последних – и с жившими за Тибром Тарквиниями. Анк Марций не только завоевал Яникул, но и переселил оттуда какое-то население, лукумоном которого был Тарквиний Приск. К этому времени брат Приска Аррунт уже был царем Коллатии под именем Эгерия. Поэтому очевидно, что устремления внука возлюбленного Эгерией Нумы Анка Марция в этрусские области за Тибром не были случайностью. Марции явно были в родстве с коллатинскими Эгериями, а через них и с яникульскими Тарквиниями. В таком случае передача Анком Марцием царской власти Тарквинию Приску определялась родственной связью между ними. Марции, таким образом, олицетворяли в Риме его связь с сабинскими и этрусскими, точнее тирренско-пеласгическими, царскими родами. Можно предположить, что их связь с «этрусской» ипостасью Дианы Эгерией дополнялась ориентацией на культ «этрусского» же Марса-Мариса.

Но с другой стороны, возможно, корни Марциев следует искать в пограничных с вольсками Кориолах, Суэссе Помеции, Лавинии, Ардее. В Суэссе Помецию удалились сыновья Анка Марция после убийства Тарквиния Приска. Когномен Марциев Рутилиев иногда связывают с рутулами, центром которых была Ардея. По одной из версий, приходивший на помощь Ромулу в борьбе с сабинянами Тация Лукумон был царем Ардеи. С Ардеей начал затяжную войну Тарквиний Суперб после того как заключил союз с Тускулом, видимо, нарушивший прежнюю ориентацию на побережье. Ардея во времена Энея, Латина и Турна была связана с Лавинием. Позднее в Лавинии совершал жертвоприношения Тит Таций, тесть Нумы Помпилия. В Лавинии удалился из Рима вынужденный к этому Брутом Тарквиний Коллатин. Здесь же, в Лавинии, проживали братья Тарквинии – Публий и Марк. Из Кориол в свое время приходил к Риму Марций Кориолан. Этот «город» был явно связан с Арицийским сакральным центром культа Дианы. Почему-то Тулл Гостилий, продолжая политику Ромула, ориентировался на связанные с Марциями «города» Лация к востоку и северо-востоку от Палатина. Возможно, это является «следом» экспансии латинов лаврентского побережья, Лавиния и Ардеи в глубь Апеннинского полуострова, в орбиту которой попало и римское семихолмье. Вместе с тем исследователи отмечают у населения Ардеи и Лавинии сильную этрусскую примесь. Поэтому связь Марциев с сабинско-этрусским регионом на север и восток от Рима не исключает, а дополняет их связь с юго-западным Лацием.

Пути продвижения жителей побережья в районе Рима пересеклись с имевшей сходные причины (поиск свободных земель) экспансией латинов Альбы и «городов» Южного Лация, с одной стороны, и затибрских этносов, с другой. Римская традиция возводит латинских предков римлян к тому периоду, когда поселенцы прибрежной Трои внедрились в легендарный трехзвенный союз Цере, Лаврента и Ардеи.

Традиционная версия выстраивает прямую линию Троя – Лаврент – Лавиний – Альба – Рим. Но, как кажется, псевдоисторическая связь этих «городов» возникла в IV в. до н.э. с целью затушевать первоначальную зависимость Рима от латинской федерации во главе с Арицией и Тускулом. Если это так, то можно предполагать, что Альба была основана выходцами не из Лавиния, а из Ариции, и только затем испытала сильное влияние со стороны первого. В таком случае Альба была тем первоначальным пунктом, в котором столкнулась экспансия южной, арицийской (связанной с вольсками), ветви латинов и западной, лаврентской (связанной с этрусками низовьев Тибра). Теснимые вольсками и герниками, латины Южного Лация стали осваивать земли в северном и северо-восточном направлениях. Их контакты на западе с рутулами Ардеи известны мало. Однако поздние ардеаты и арицийцы спорили за землю в районе Кориол (Liv. III. 71–72). Вероятно, здесь колонизация южных латинов столкнулась с колонизацией побережья Лация с севера, которая велась этрусками из Цере. Рутулы стали смешанным этрусско-латинским народом. Их контакты с латинами (аборигинами) Лаврента испытывали постоянное мощное воздействие со стороны северных этрусков. В традиции оно отразилось в легендах об Энее и Турне; о помощи этрусков Мезенция своим союзникам рутулам в войнах с латинами; о погребении Энея над рекой Нумик у Ардеи и превращении его в Iuppiter Indiges. Последнее, видимо, означало слияние латинского Iovis-pater с местным рутульским божеством Indiges, подобное объединению Марса и Квирина на Палатине после смерти Ромула. Поэтому в районе Альбы латины Ариции, должно быть, столкнулись с продвинувшимися сюда же из Лавиния латинами побережья, теснимыми этрусками. Эти латины были носителями культа Iovis, имя которого на другом наречии, возможно, звучало как Iulus. Этим наречием мог быть как язык латинов Ариции, так и язык ардеатов.

Марс-Амулий в альбанской легенде, возможно, отражает воспоминания об изначальной связи Альбы с Ардеей (хотя, скорее, его образ связан с одним из центров доримского Палатина, ориентированным то ли на Альбу, то ли на Лавиний). Преобладание западных латинов, вероятно, привело к тому, что рутульская колонизация «увяла», влившись в состав латинской, а культ Йова-Юпитера потеснил в Альбе Лонге культ Марса. Давление прибрежных народов направило экспансию из Арицийского центра в северо-восточном направлении во внутренние области. Ее новым форпостом взамен Альбы стал Тускул. Вероятно, именно выходцы оттуда колонизовали области, в которых возникли «города» Габии, Коллация, Корникул, Медуллия. Впоследствии, оказавшись отрезанными от основного латинского массива в результате параллельно развивавшейся из внутренних областей сабинской экспансии, при Анке Марции и первом Тарквинии они получили название «старых латинов» (Latini Prisci). К этому историческому пласту, вероятно, следует относить версии о воспитании Ромула в Габиях, о поддержке Ромула царем Ардеи в борьбе с Тацием и о происхождении Сервия Туллия из латинского Корникула⁴⁴.

⁴⁴ Исследователи выделяют два переселения Марциев в Рим – патрициев при Нуме и плебеев в IV в. до н.э. Легенда о Марции Кориолане была принесена в Рим Марциями-плебеями и отражала события начала Республики, когда Марции жили в Кориолах и боролись за равноправие местных латинов с Римом (Сидорович О.В. Гней Марций Кориолан: легенда и история // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 9–15). Действительно, после ухода сыновей Анка Марция в Суэссу Помецию Марции на некоторое время исчезают из числа претендентов на власть в Риме. Там доминируют связанные с Тарквиниями их родственники из-за Тибра (Вибенны, Мастарна), из Корникула (Сервий Туллий), из Коллации (Эгерии, Лукреции), из Габий (Секст Тарквиний). Складывается впечатление, что западные и юго-западные латины Лаврента, Ардеи, Кориол, Тускула оказались вытеснены северными и северо-восточными сабинами и этрусками Яникула, Корникула, Фиден, Медуллии, Коллации и т.п. В таком случае становятся очевидными истоки создания латинской коалиции во главе с Октавием Мамелием, которая, вероятно, должна была противостоять росту влияния этрусско-сабинского Рима. Лидером другой коалиции в это время выступает Ларс Порсена, возродивший этрусское влияние в Риме. Результатом его вторжения стала первая Латинская война, в ходе которой римляне попытались избавиться от контроля со стороны своей латинской метрополии. Поход Кориолана на Рим после смерти Октавия Мамелия, видимо, должен был восстановить пошатнувшееся равновесие в Лации. Таким образом, Рим оказался в эпицентре борьбы этнических союзов Лация. Только оторвавшись от сабинско-этрусского союза в начале IV в., после разгрома Вей, Рим стал частью Латинской конфедерации, которую возглавил с 338 г.

Альба также продолжила колонизационное движение. Выходцы из нее, теснимые на западе колонистами из Лавиния и Лаврента, а на востоке колонизационным потоком из Ариции и Тускула, устремились на север, где вышли к Тибру и вступили в контакт с общинами Палатина. Одновременно развивалась экспансия прибрежных латинов, продвинувшихся по Тибру до Палатина (а, может быть, и дальше – до Корникула). Согласно римской традиции, на Палатине находилось два сакральных центра, представленных священными рощами, между которыми Ромул-реформатор устроил убежище (*asylum*). Возможно, один из центров ориентировался на Альбу, а другой – первоначально на латинский Лаврент. Однако затем лаврентских латинов вытеснили из этого союза продвигавшиеся по их следам этруски Лавиния. Объединивший их в трехзвенный союз с Альбой Ромул вскоре сориентировался на включение в этот союз сабинских рексов, за которыми стояли связи со «старыми латинами» и этрусками затибрья. Лавинаты, таким образом, оказались вытеснены из нового трехзвенного союза. Возможно, их «обида» нашла выражение в убийстве Тита Тация в Лавинии⁴⁵. Перед этим родственники Тация убили направлявшихся в Рим послов из Лаврента (*Plut. Rom.* 21). Ромул как будто не принимал в этом никакого участия, из чего можно заключить, что он не делал Тация соправителем, а уступил ему власть на сакральное восьмилетие. Правда, традиция отводит правлению Тация не восемь, а пять лет. Как сообщает Плутарх, перед этими событиями Ромул убил альбанского Амулия. Это была месть за надругательство над матерью и обиду деда Нумитора. Но в контексте проблемы передачи царского титула позволительно задаться вопросом, не очередного ли посланца Альбы на роль палатинского рекса ликвидировал Ромул, расчистив тем самым дорогу Тацию? В таком случае, противясь передаче власти в Риме альбанским Куриациям, Тулл Гостилий опирался на освященный авторитетом Ромула прецедент.

Несмотря на убийство Тация, значение сабинян во вновь образованном Риме продолжало возрастать. После Тация и Гостилия-Ромула царем стал Нума. Сменивший его Тулл Гостилий должен был подумывать о сабинском преемнике. Альба явно оказывалась под угрозой вытеснения из союза. Это и послужило поводом для обострения «альбанской проблемы». Победа римских Горациев над Куриациями временно сняла ее. Суд богов – поединок – отдал первенство римлянам. Альбанцы, видимо, перестали претендовать на роль «царского жениха», уступив ее своим боковым родичам в сабинской среде. Символическим обрывом этой сакральной связи послужило убийство невесты альбанского Куриация Горация ее братом-победителем⁴⁶.

После поединка Горациев с Куриациями римлянам пришлось сражаться с Фиденями, с которыми когда-то воевал после гибели Тация Ромул или Гостилий (*Plin. NH.* 16. 5). В это время Фиденя считались полуэтруским-полулатинским городом. Альбанское войско во время этого сражения выполняло роль стороннего наблюдателя. Традиция объясняет это происками Меттия Фуфетия, но ситуация очень напоминает еще один поединок двух сторон, в котором альбанцы исполняли роль арбитра. После победы над Фиденями Тулл расправился с Меттием Фуфетием. Эта расправа носила такой же уникальный в традиции, а по сути ритуальный характер, как и расправа над «предательницей» Тарпеей. Вероятно, после походов деда Гостилия фиденяне каким-то образом были связаны с Альбой и победа над ними развязала руки Туллу. Расправившись с Фуфетием, Тулл Гостилий предпринял переселение жителей

⁴⁵ Таким образом, территория будущего Рима оказалась эпицентром, в котором сходились основные направления латинской колонизации догородского периода. В конце царского периода в Лации возникло два соприкасавшихся латинских массива. Сакральным центром южного массива была Ариция, а политическим – Тускул. Сакральным центром прибрежных латинов стал Лавиний, а на роль политического претендовал Рим. Видимо, постройка храма Дианы на Авентине при Сервии Туллии и римско-латинский договор после изгнания Тарквиния являются свидетельствами отношений между двумя союзами.

⁴⁶ *Dionys.* III. 22; *Liv.* I. 26.2–5. По сути, с ней поступили так же, как в свое время с Тарпеей, на которой, очевидно, прервалась сакральная связь сабинских царских линий.

Альбы Лонги в Рим. Так «альбанская проблема» была разрешена радикальным способом и с наибольшей выгодой для римлян. Палатинский «город» вырос в размерах, расширил свою территорию на Целий и укрепился в военном отношении. Римские и альбанские всадники разгромили сабинян близ Злодейского леса и до конца правления Тулла Гостилия обеспечили западнолатинское преобладание в Риме (Liv. I. 30.9–10). Но после его смерти контроль за титулом римского рекса перешел в руки гентильных образований латинско-сабинско-этрusco-пограничья северовосточного Лация. Тарквиний Суперб уже прямо ориентировался на тускуланских Мамилиев, и к его времени сакральная трехзвенность догородской архаики была основательно расшатана. Поэтому правление Тулла выглядит своего рода рубежом.

5. «ДИНАСТИЯ» ТАРКВИНИЕВ

Одним из проявлений этого рубежа был совершившийся после Тулла Гостилия переход правящих «династий» от уксорилокальности к вирилокальности. Судя по традиции, и Ромул, и Прокул Юлий являлись ради брака и связанного с ним титула на Палатин. Нума, женившись на Тации, жил в Курах. Аррунт Тарквиний стал Эгерием в Коллации. Куриаций, женившись на Горации, должен был наследовать титул в Риме. Отец самого Гостилия неизвестен, хотя дед и был похоронен в Риме. Возможно, Тулл был альбанцем, как и Ромул, но, может быть, он стал первым римлянином, обладавшим титулом рекса. После него, хотя чужаки и не перестают править в Риме, передача им власти оформляется несколько иначе. Анк Марций был очевидным римлянином. Его дед Марк Марций скорее всего был рексом в каком-то городке, откуда его привез Нума. Возможно, он входил в одну «версту» с Нумой в качестве одного из «братьев» правящей триады. Его сын Нума Марций стал мужем дочери Нумы Помпилия и отцом Анка Марция. Таким образом, Анк стал рексом не потому, что он был внуком Нумы Помпилия, а потому, что он был внуком Марция. Расчет Нумы состоял в том, что поскольку дед-рекс, т.е. Марк Марций, живет в Риме, то его внук также может стать там рексом. Альянс Нумы с Марцием позволял последнему не посылать своего сына рексом в другой город: Нума выдал за него Помпилию. Так в рамках традиции был обойден обычай приглашения рекса из другого города.

Но Нума не смог передать титул зятю Марцию, который оспаривал титул у Тулла Гостилия. Видимо, только связь Тулла с авторитетом Ромула позволила тому переписать расчеты Нумы Помпилия. В свою очередь, став рексом, Анк Марций явно не хотел передачи титула потомкам Тулла, т.е. Гостилиям⁴⁷. Подобно Нуме, Анк полагал, что включение Тарквиния в систему наследования титула рекса позволит ему сохранить титул в руках своего клана. По одной из версий, Тарквиний, претендуя на власть в Риме, представлял дело так, что он был усыновлен Анком Марцием ([Aug. Vict]. De vir. ill. VI.5). Более того, Анк Марций рассчитывал, что Марции удержат власть еще прочнее – после Тарквиния (игравшего роль брата – зятя царя) титул должен был перейти к сыновьям Анка. Их, вероятно, предполагалось женить на дочерях Тарквиния. Таким образом, согласно плану Анка, после него титул на краткий срок получил бы Тарквиний – «зять», а затем опять Марции. Обход Нумой традиции, заставлявшей детей царя искать царского титула в другом городе, создал прецедент, которым решил воспользоваться Анк. «Честность» Тарквиния, видимо, обеспечивалась тем, что он был родственником Марциев через своего брата – Эгерия в Коллации. Однако логика рассуждений Анка Марция имела один недостаток: дед его сыновей – Нума Марций – не был рексом ни в Риме, ни в другом месте. Поэтому по архаическому праву они не имели права на то, что не принадлежало их деду, т.е. на титул рекса.

⁴⁷ За всем этим могла стоять конфронтация альбанско-лаврентско-ардеатской группировки с сабино-этрusco-арицийской, в центре которой оказался палатинский Рим.

Тарквиний Приск, видимо, сначала был каким-то образом адоптирован Анком, а затем стал рексом. Также и Сервий Туллий был сначала воспитан в доме Тарквиния, а затем как римлянин женился на его дочери. Тарквиний Суперб женился на Туллии, будучи римлянином в третьем поколении. Его сестра была выдана замуж в Коллацию, а дочь – в Тускул за Октавия Мамилия. Так за несколько поколений, прошедших со времени Тулла Гостилия, вирилокальность окончательно утвердилась в качестве господствующего брачного принципа, связанного с передачей титула рекса. Одновременно к концу царской эпохи число потенциальных претендентов на этот титул настолько возросло и сконцентрировалось в одном центре, что потребовалась радикальная реформа традиции передачи титула.

Однако архаические принципы наследования царской власти сохранились и после Тулла Гостилия. Если к моменту передачи титула в старшем колене не было третьего «брата», т.е. мужа для первой «сестры» младшего колена, то таковой находился вне «династии» и входил в нее на правах побратима двух старших «братьев» старшего колена. Таким побратимом Анка Марция стал Тарквиний Приск, признаваемый традицией воспитателем детей Анка⁴⁸. По окончании срока правления своего «колена» он должен был передать власть сыновьям Анка, но не сделал этого. Один нормативный срок он правил в счет поколения Анка Марция и три срока – как законный представитель триады следующего поколения, чему, возможно, соответствуют три имени «жены» Тарквиния – Танаквиль, Гайа Цецилия и («рабыня-наложница») Окризия⁴⁹. Вместо сыновей Анка Тарквиний женил на своей дочери Сервия Туллия, тем самым сделав его побратимом двум своим сыновьям. Последние также не получили власти – все три срока триады правил Сервий. Согласно традиции, он не сложил ее и с переходом власти к следующему поколению. Его правление выглядит столь же длительным, как и правление Нумы Помпилия – 44 года. Поэтому в традиционной версии событий царской эпохи Тарквиний Суперб (некоторые античные авторы считали его не сыном, а внуком Тарквиния Приска) столь негодовал против Сервия, видя, как ускользает надежда на титул рекса, несмотря на женитьбу на Туллии. Если Сервий правил действительно так долго, то две его дочери были теми сестрами, которые составляли триаду носительниц власти вместе с племянницей, идентификация которой выводит нас на состоявших в родстве с римскими Тарквиниями коллатинских Эгериев-Лукрециев. Одна из Туллий умерла при жизни своего отца, обеспечив ему, таким образом, продолжение правления еще на один срок. Другая же, прославившаяся своей жестокостью Туллия Свирепая, по традиционной версии, была вынуждена вступить на путь заговора против отца, чтобы не повторить судьбу сестры. Переехав тело Сервия на колеснице, считавшейся сакральным символом царской власти, она обеспечила титул рекса своему мужу Тарквинию Супербу.

Однако в реальности длительного правления Сервия Туллия, как впрочем и Тарквиния Приска, можно усомниться. Еще в прошлом веке высказывалось соображение,

⁴⁸ Согласно этрусской версии традиции, к Тарквинию в Рим пришли Целес и Вибенна (*Fest.* 486 l.), вместе с ним явно напоминающие триаду «братьев».

⁴⁹ По другим сведениям, женами Тарквиния Приска были Танаквиль, Гайа Цецилия и Гегания (*Dionys.* IV. 7). Такие же триады традиция приписывает и Сервию Туллию – Тарквиния, Гегания (*Plut.* De fort. Rom. 10), Фортуна; и Нуме Помпилию – Тация, Эгерия, Лукреция; и Ромулу – Герсилия, Тация, Тарпея. Эти сведения заставляют внимательнее отнестись к данным об учреждении Ромулом или Нумой института весталок, число которых первоначально было две, затем – четыре (*Plut.* Numa. 10: Гегания и Верения, Канулея и Тарпея), а при Сервии Туллии – шесть. Число весталок коррелировало с числом первоначальных триб, имевших этническую окраску (*Fest.* 468 l.). Позволительно предположить, что две весталки – это те две «сестры», которые уступали свое право на «трон» «сестре»-царице, передававшей его мужу-рексу. В роли весталок они рассматривались в качестве ритуальных жен соответствующего (трибального) бога-покровителя – Юпитера, Марса, Квирина. Таким образом, «учреждение» Нумой института весталок следует рассматривать как реформу передачи титула рекса внутри триады «сестер».

что род Тарквиниев не имел ничего общего ни с Этрурией, ни с Грецией. Prisci было латинское имя, а жену Тарквиния Приска звали не только Танаквиль, но и Гайа Цецилия⁵⁰. Вероятно, в традиции сплелись две легенды о правившем после Анка Марция царе – этруская и латинская. Точно так же и в отношении Ромула кроме латинской версии его происхождения из Альбы существовала и этруская, по которой он считался сыном или внуком героя Тархона. Этруская версия называла пятого римского царя Тарквинием, а его жену – Танаквиль, соответственно, латинской они известны как Приск и Гайа Цецилия. Более плотное, чем в случае с Ромулом, внедрение этрусской версии в позднейшую традицию, по-видимому, было связано с тем, что реальные Тарквинии были хорошо известны в городе Цере, контакты которого с Римом были весьма интенсивными и тесными. Открытая там в середине прошлого века гробница, надписи которой обогатили эпиграфику многочисленными именами – Tarchna, Tarqin[ius], Tanchvil, дала возможность говорить о существовании в Цере обширного рода Тарквиниев. Наверно, не случайно как раз в Цере искал убежища изгнанный из Рима Тарквиний Суперб (Liv. I. 60.2).

У Тарквиния Приска было две дочери: одна замужем за Сервием, о браке другой сведений нет. Согласно утвердившимся в качестве норм наследования царской власти принципам кросскузенного брака, сын второй Тарквинии должен был стать мужем дочери Сервия Туллия и наследовать последнему как внук Приска по дочери. Однако мужем Туллии и царем в Риме стал Суперб – сын сына Тарквиния Приска. Не скрывается ли воспоминание о сыне второй Тарквинии в версии традиции о брате Сулерба Аррунте, который был женат на другой дочери Сервия? Совершаемая исторической традицией правка реальности здесь минимальна: вместо двоюродного Аррунт назван родным братом Луция. А с точки зрения классификационных норм она и вовсе несущественна. Не претендовавшие на правление в Риме дети Тарквиния Приска вполне могли вступить в брак за его пределами. При этом Приск, конечно, рассчитывал, что его внуки в соответствии с установившимися нормами получают власть в Риме. Поэтому их брачными партнерами могли быть только дети царских «династий» окрестных городов.

Это заставляет вспомнить «этрусскую версию» биографии Сервия Туллия, согласно которой он был не латином из Корникула, а этруском Мастарной. Наиболее полно эта версия представлена в речи, произнесенной императором Клавдием в сенате и сохранившейся в виде надписи на бронзовой таблице, найденной в Лионе в 1524 г.⁵¹ В Риме Мастарна появился в правление первого Тарквиния как sodalis братьев Авла и Целия Вибенн, с которыми он таким образом составлял одну поколенную триаду⁵². Тациту, изложившему речь Клавдия (Ann. XI. 24), тоже была известна версия о происхождении названия холма Целия от имени этруска Целия Вибенны⁵³. О братьях Вибеннах Фест упоминает в связи с vicus Tuscus и Тарквинием⁵⁴. Правда, он отмечает и иную версию появления nomen Caelius в Риме, относя его ко времени Ромула⁵⁵. А поскольку Caeles/Caelius, пришедший на помощь Ромулу, также был этруском, его

⁵⁰ См. Энман А. Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896. С. 245.

⁵¹ CIL XIII, 1668 = ILS. 212: ... Servius Tullius, si nostros sequimur, captiva natus Oecresia, si Tuscos, Caeli quondam Vivennae sodalis... montem Caelium occupavit et a duce suo Caelio ita appellata[vit], mutatoque nomine, nam Tusce Mastarna ei nomen erat, ita appellatus est, ut dixi, et regnum... optinuit.

⁵² Bianchi L. Il Magister Servio Tullio // Aevum. 1985. Anno LIX. № 1. P. 58.

⁵³ Tac. Ann. IV. 65: ...montem eum... mox Caelium appellitatum a Caele Vibenna, qui dux gentis Etruscae, cum auxilium tulisset, sedem eam acceperat a Tarquinio Prisco...

⁵⁴ Fest. 486 L: [Volc]entes fratres Caeles et [A.] Vibenna [e... qui ad regem] Tarquinium Romam se cum max... [...tulerunt]. Варианты восстановления этого текста с именем Мастарна и без него см. Briquel D. Le témoignage de Claude sur Mastarna/Servius Tullius // Revue belge de philologie et d'histoire. 1990. T. 68. 1. P. 100 suiv.

⁵⁵ Fest. 56 L: Caeles mons dictus a Caelo quodam ex Etruria, qui Romulo auxilium adversus Sabinos praebuit, eo quod in eo domicilium habuit; cf. Dionys. II. 36.2 (Briquel. Op. cit. P. 97; Bianchi. Op. cit. P. 58).

отождествляли с братом Авла Вибенны⁵⁶, хотя куда логичнее видеть в нем знаменитого Ромула сподвижника – Лукумона⁵⁷. Его этруская родина неизвестна, но едва ли в эпоху Ромула она могла находиться на большом удалении от Палатина. По-видимому, параллельно продвижению латинов и этрусков из Лавиния вверх по левому берегу Тибра – по правому его берегу распространялась этруская экспансия из Цере. Этрусскими форпостами здесь были территория Ромилиевой трибы, Яникул, Вейи, а на левом берегу – Фидены. Именно отсюда первоначальный Рим испытывал этрусское влияние. Но если с Цере Рим связывали дружественные отношения, а Яникул при Нуме и Анке Марции был почти своей территорией, то с Вейями и Фиденами римляне имели постоянные конфликты, наиболее полно отраженные традицией. Возможно, Вейи были форпостом не церитского, а иного влияния из внутренних областей Этрурии, которое распространилось не Рим позднее, при Тарквиниях⁵⁸.

Можно предположить, что в северо-восточном Лация на естественном рубеже, каким был Тибр, сошлись три волны колонизации свободных земель – сабинской из внутренних областей Италии, этрусской из Средней Этрурии (Клузий – Вульчи – Вейи) и латинской из Южного Лация. Но, быть может, соперничество Рима и Вей было обусловлено не разной политической ориентацией, а борьбой за лидерство двух родственных общин, в равной степени контролировавших Соляную дорогу. Судьба Вей во многом напоминает судьбу Альбы Лонги. Поэтому вполне вероятно, что существовала связь по линии Цере, Яникул, Вейи, к которой в результате завоевания Анком Марцием Яникула подключился Рим. Предпосылкой этого завоевания, открывшего Рим этрусскому влиянию, был выход церитов к Риму через Лавиний еще в догородскую эпоху, с одной стороны, и установление контактов с этрусками Яникула, Вейи и Фиден через сабинян и Марциев, с другой. Возникшая в результате уплотнения социального поля напряженность нашла выход в образовании вождества с центром на Палатине – в пункте преломления влияний из Лавиния, Альбы и, вероятно, Цере.

Эпиграфические материалы из Южной Этрурии свидетельствуют о распространении там имени *Vibenna*. Происходящая из Вей ваза в стиле буккери VI в. до н.э. имеет на дне надпись «*mine tuluv[an]ese avile vipiennas*» (меня посвятил Авл Вибенна)⁵⁹. Но особенно впечатляет открытая в 1857 г. фреска из гробницы Франсуа в Вульчи, датируемая 340–310 гг. до н.э.⁶⁰ Среди изображенных на ней сражающихся героев фигурируют *Macstrna*, спасающий *Caile Vipinas*; *Avle Vipinas*, поражающий *Venthicau...plsaxs*; *Marce Camitlna*, поражающий *Sneve Tarxunies Rumax*⁶¹. Этого *Tarxunies* часто отождествляют с римским Тарквинием Приском, исходя из традиционных сведений о его насильственной смерти, появлении этрусских «кондотьеров» в Риме в период его царствования и передачи им власти Мастерне/Сервию Туллию⁶².

⁵⁶ *Varr.* L.L. V. 46: in suburbanae regionis parte princeps est Caelius mons a Caele Vibenna Tusco duce nobili, qui cum sua manu dicitur venisse auxilio contra Tatum regem.

⁵⁷ *Serv.* ad Aen. V. 560: Romulum dimicantem contra Titum Tatum a Lucumonibus, hoc est a Tuscis, auxilia postulasse. Unde quidam venit cum exercitu; cui recepto iam Tatio, pars urbis est data; a quo in urbe Tuscus dictus est vicus. Cf. *Dionys.* II. 37. 2.

⁵⁸ У Арнобия (*Adv. gent.* VI. 7) упоминается, что Капитолий получил свое имя от могилы некоего Олус (Aulus) из Вульчи: *Capitolium qui est hominum qui ignoret Oli esse sepulchrum Vulcentani*? Д. Брикель (op. cit., p. 98) отождествляет этого Олус с Aulus Vibenna, приход которого в Рим датируется временем Тарквиния Приска. Многочисленные данные исторической традиции, связывающей Тарквиния с посвящением храма Юпитера на Капитолии, где была найдена человеческая голова (*Varr.* L.L. V. 41; *Liv.* I. 55.5–6; V. 54.7; *Dionys.* IV. 59–61; *Plin.* NH. 28. 2(4). 15–16; *Plut.* Cam. 31; *Flor.* I. 7.9; *Serv.* ad Aen. VIII. 345; [*Aur. Vict.*]. De vir. III. 8.4; *Mart. Cap.* III. 223; *Isid.* Orig. XV. 2.31; *Zonar.* VII. 11.38 e.a.), свидетельствуют о том, что это наиболее логичный и обоснованный подход. Но, возможно, этот сюжет заслуживает дальнейшей проработки. Плутарх упоминал таинственного сына Ромула Аоллию (Aollia), имя которого также перекликается и с Aulus, и с Olus.

⁵⁹ Опубликована: *Pallotino M.* // *Studi Etruschi.* 1939. V. XIII. P. 455–457.

⁶⁰ *Cristofani M.* Ricerche sulle pitture della tomba François a Vulci // *Dialoghi di Archeologia.* 1967. I. 2. P. 186 ss.

⁶¹ CIE 5266–5275 = TLE (2) 297–300.

⁶² *Bianchi.* Op. cit. P. 58 s.

Однако прямых оснований для такого отождествления нет. Поэтому исследователи опираются на отсутствие сведений об иных подходящих Тарквиниях в Риме. Предлагаемый нами подход к традиции о римских царях позволяет приблизить к реальности сцену из гробницы Франсуа. Быть может, Гней Тарквиний был тем загадочным сыном Тарквиния Приска, который совершенно выпал из римской традиции, но оставил в римской истории неизгладимый след своим потомством? Его дочь вышла замуж за Юния, став матерью Юния Брута. Его сыном считался (в передаче Дионисия Галикарнасского) Тарквиний Суперб. Именно с ним настойчиво стремился породниться через своих дочерей Сервий Туллий. Будучи родом из Рима, в Вульчи он вполне мог носить прозвище Римский (Rumax).

Можно предположить, что братья Вибенны или, скорее, один из них – Целий вместе с Мастарной появились в Риме в конце сакрального срока правления Сервия Туллия. Таким образом, за традиционным образом Сервия Туллия, возможно, скрываются два царя – «латин» из Корникула и «этриск» из Вульчи⁶³. В таком случае, Туллия Свирепая переехала на колеснице не труп своего отца, а возможно, труп первого мужа. Тарквиний Суперб ведь считался в традиции ее вторым мужем. Согласно Ливию, он препятствовал похоронить Сервия, говоря почему-то, что и Ромул исчез без погребения. Возможно, приход Суперба к власти воспринимался обществом как своего рода революция, поскольку ритуально он не был включен в правящую триаду вместе с Вибенной и Мастарной. Поэтому потребовалась вызывающая демонстрация Туллии на символизировавшей царскую власть колеснице, а срок правления Суперба исчислялся вне связи с предшественниками в три самостоятельные поколения. Возможно, с последним как-то связана традиционная версия об убийстве Тарквинием отца и старшего брата Брута. Отец Брута был мужем сестры Суперба, и их дети, следовательно, реальными претендентами на царскую власть ([Aug. Vict]. De vir. ill. X. 1). Ликвидировав своего одновозрастного «брата»-зятя, Тарквиний обеспечивал себе еще одно восьмилетие правления. Третье восьмилетие обеспечивалось смертью старшего Юния следующего поколения – племянника *avunculus*'а Тарквиния. Следующей была очередь Брута, который смог избежать участи отца и брата, только организовав мятеж против Тарквиния Суперба.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ЦАРЕЙ К КОНСУЛАМ

В связи со сказанным неизбежно встает вопрос об общем числе рексов исторического Рима. Традиционная цифра семь, очевидно, является искусственной конструкцией, созданной в обществе, в котором семь поколений играли важную, если не определяющую, социальную роль. Семь возрастных этапов по 8 лет составляли «человеческий век», насчитывающий при Ромуле 56, а позднее 60 лет. Семь степеней родства отделяли *gentiles* от более отдаленных сородичей – носителей одного *potep*.

⁶³ Версия о соответствии этрусского слова *macstna* латинскому *magister* кажется очень логичной (см. *Bianchi*. Op. cit. P. 59). Однако возможны сомнения в отождествлении его с *magister populi*, а не *magister equitum*. В традиции Мастарна выступает соратником братьев Вибенн (*sodalis fidelissimus*), а не наоборот. Поэтому *magister populi* более подходил одному из братьев, вероятно, Авлу. Мастарну скорее следует считать представителем младшего поколения при братьях («племянником»), который подобно Целеру при Ромуле и Реме командовал «всадниками». Такой *magister equitum* играл важную роль при римских царях: Тарквиний Приск при Анке Марции (*Dionys*. IV. 6.4), Сервий Туллий при Приске (*Dionys*. IV. 3.2). Брут при Супербе (*Dionys*. VI. 71; 75; *Liv*. I. 59.3). Подробнее см. *Коптев А.В.* Правовой механизм передачи царской власти в архаическом Риме и сакральные функции трибуна целеров // *Ius antiquum*. Древнее право. 1997. 1(2). С. 24–33.

Наше рассмотрение данных римской традиции позволяет включить в число царей палатинского Рима Нумитора и его зятя – жреца Марса, увеличить число Ромулов, одним из которых, вероятно, был Гост Гостилий. Возможно, и за фигурами Тация и Нумы скрывалось не по одному правителю, подобно тому, как за образом Сервия Туллия стояли «этриск Мастерна» и «сын Окрисии». Первые «консулы» после изгнания Тарквиния – Тарквиний Коллатин, Юний Брут, Валерий Попликола, Гораций Пульвилл, Лукреций Триципитин – все были родственниками предшествующих царей. Причем это родство связывало их не только с последними Тарквиниями (Юнии и, вероятно, Аквилы – родственники Брута, с номеном которых, возможно, связана Тан-аквилъ), но и с Титом Тацем (Валерии/Волезии), Нумой Помпилием (Лукреции), Туллом Гостилием (Горации).

После изгнания последнего Тарквиния Брут по праву мог стать римским рексом. Для этого ему нужно было лишь жениться на дочери царя, чего, по-видимому, он не сумел сделать. Дочь Суперба была выдана за Октавия Мамилия в Тускул. Среди других родственниц, вероятно, ближайшей была Лукреция, связанная родством с Тарквиниями через брата Тарквиния Приска Аррунта-Эгерия. Вероятно также ее родство с Марциями. Но она стала женой Коллатина, который был сыном сестры Тарквиния Суперба ([*Aur. Vict.*] *De vir. ill.* IX. 1). Тарквиний Коллатин, Юний Брут и Секст Тарквиний, по всей видимости, были триадой «братьев», претендовавшей на власть в Риме. Последний в их числе («шестой Тарквиний» по имени), правивший в Габиях, очевидно, был таким же «сыном» Тарквиния Суперба как и Брут или Коллатин. Легендарное насилие Секста Тарквиния над Лукрецией могло означать его стремление овладеть властью вне определенной ему очереди. В результате он был исключен из наследования титула рекса и его место в триаде занял еще один «брат» Валерий. Изгнание Тарквиния Коллатина привело к замещению его кандидатуры следующим «братом» Лукрецием Триципитином, а смерть Брута призвала к власти триады «брата» Горация Пульвилла.

В римской исторической традиции на порядок передачи титула рекса после изгнания Тарквиния Суперба была искусственно наложена система двух консулов. Консулат не был нововведением республиканской эпохи. Он возник еще в царскую эпоху в результате разделения функций между «братьями» в триаде. Роль сакрального царя обычно все три срока выполнял один из «братьев». Тогда как два других, гаранты его правления, выступали в роли его помощников – *consules*, прежде всего в качестве военных предводителей. Наиболее отчетливо эта архаическая практика проявляется в легендарном эпизоде, переданном Вергилием. Когда Тибур послал свое войско на помощь Латину, его возглавили два брата-близнеца Кор и Катилл, а третий брат – эпоним Тибуртий остался дома, видимо, в качестве царя (*Verg. Aen.* VII. 670–672). Отголоски такой системы можно обнаружить и в других традиционных сообщениях, смысл которых затушеван временем. Двое сыновей Латина были отравлены Амазой после того, как Эней стал мужем Лавинии. Они оказались не у дел вследствие того, что сам Эней выступал в легенде в ипостаси воина. Гостилий и Лукумон вели военные действия в интересах Ромула. Двое сыновей Анка Марция выполняли непонятную роль при Тарквинии Приске, в конечном итоге выступив в роли командиров, приказавших убить царя своими воинам. Двое братьев – Авл и Целес/Целий Вибенны – были военными сподвижниками то ли легендарного Мастерны, то ли Тарквиния Приска. Согласно традиции, и Мастерна, и Тарквиний были этрусками, и оба стали царями в Риме. Два сына Тарквиния Приска находились в тени Сервия Туллия. Два брата Тарквиния Суперба – Публий и Марк совершенно неизвестны своими деяниями, но, по данным Дионисия Галикарнасского, после изгнания Тарквиния из Рима проживали в Лавинии⁶⁴.

⁶⁴ *Dionys. V.* 54.1; cf. *Dubourdieu A.* L'exil de Tarquin Collatin à Lavinium // *Latomus.* 1984. 43. P. 733–750.

Переход к республике был ознаменован сокращением срока пользования властью «братьями» с 24 лет до одного года. В результате полномочия царя оказались ограничены функциями, которые выполнял *rex sacroregum*. Напротив, «братья»-консулы продолжали выполнять все прежние функции. В течение длительного времени с 444 до 376 гг. до н.э. «консулат» такого рода приживался в римском обществе пока не был юридически закреплен законами Лициния – Секстия после десятилетнего (376–367 гг.) перерыва в «наследовании» власти. До 367 г. право на консульскую власть, по-видимому, имели представители определенных царских родов, издавна связанных с Римом, а затем переселившихся туда. Все они были патрициями. В 367 г., вероятно, патрицистароримляне (принадлежавшие к палатинско-альбанским трибам или трибе), включенные в состав гражданства латины (?) Авентина и сабины Квиринала договорились, что одного консула будут избирать из патрициев, а другого из плебеев. Позднее право на консулат перестало зависеть от патрицианского или плебейского происхождения. Оно оказалось в руках всей совокупности прежних царских родов, которые, видимо, и составили *ordo nobilitum*. Таким образом, право нобилитета на консулат не было узурпировано у широких слоев гражданского коллектива узкой кастой знати, а досталось нобилем по наследству от предков – древних царей Лация.

MECHANISM OF INHERITING KING'S POWER IN ARCHAIC ROME

A.V. Koptev

According to tradition Roman Kings were either husbands of their predecessors' daughters or sons of Kings' daughters or grandsons of Kings. Regal power was vested in the women belonging to the regal *gentes* of Latium whose husbands acquired the title of *rex* by way of marriage. According to tradition they are Lavinia, Ilia-Rea Silvia, Tatia, Hersilia, Pompilia, Egeria, Tarquinia, Tullia, Lucretia. The sacral alliance of 30 cities linked all regal *gentes* in a single system of potential matrimonial partners. Relations between Lavinium, Alba and Rome may serve as an example of such an alliance. The experience of relationships of original Palatinate Rome with its neighbours led to the inclusion of representatives of Sabine Capitolium and then Quirinalis in the alliance of the regal *gentes*. It brought about the ouster of the «dynasty» of Lavinium from the tripartite alliance under Romulus and Alba Longa under Tullius Hostilius. The confrontation between the Latin and Sabine branches of the Romans resulted under Ancus Martius in the inclusion of Etruscan Janiculum into Rome, and its *lucumo* became Roman king Tarquinius. By the end of the regal period Rome was full of the descendants of the kings who reigned in the «cities» the inhabitants of which became Romans. They were Iulii, Aemilii, Martii, Pompilii, Hostilii, Horatii, Iunii, Lucretii, Valerii, Aquilii, Claudii originating of Cures, Alba Longa, Corniculum, Janiculum and other ancient centers in the vicinity of Rome. Their regal origin gave ground for claiming the title of the Roman king. These claims violated the traditional order, when the king was first of all the sacral representative of society in contacts with gods.

The analysis of the legend about Horatii and Curiatii shows that the reason for the battle between them was the breach by the Romans of rights of the Albans to present the king's son Curiatius as the bride of Horatia, apparently the Roman *regina* and the future King of Rome. Horatius the victor, who killed both legitimate bearers of the regal power in Rome provided an opportunity to King Tullus Hostilius to strengthen the sacral alliance with the Sabellians to the detriment of relations with the Alban Latins.

The two triads of twin brothers – Horatii from Rome and Curiatii from Alba Longa – featured in the legend, represented the triads of the social «children» of the Kings who reigned in those «cities». The transfer of the title of the ruler according to the genealogical principle ordinarily presupposed inheriting from the triad of social «fathers» to the triad of social «children». Accordingly the women, bearers of regal power, also constituted triads of social «sisters». One of them played the role of the *regina* and the two others were potential wives of the king-god. Their existence enabled the King to preserve the title in the vent of untimely demise of his spouse. The replacement of the classificatory principle by the genealogical one led to the transformation of the «sisters» dedicated to god into priestesses-vestals.

The legitimate term of King's reign was 24 years upon the expiry of which Ancus Martius ceded power to the triad of «brothers» – Tarquinius and his two sons. Having taken advantage of this normative term, «the fathers» legally removed *regina* from the office Tarquinius Superbus. Prolongation of the term of the

King's reign beyond the generation made the presence of his «brothers» a rudiment of classificatory kinship identical to that of the «sisters» of the *regina*. With time the functions of «brothers» were divided. The king acted as the sacral representative of the people to the outside world. His two «brothers» were in charge of military operations, administration of justice beyond the sacral law, carried out administrative errands of the senate. As executors of the will of the king and of his closest advisers «brothers» might have borne the title of *consules* already in the regal period.

After the expulsion of the Tarquinius Superbus and his «brothers» Collatinus, Brutus and Sextus Tarquinius Gabinius might have made up a new triad of «brothers» aspiring to power in Rome. The legendary rape of Lucretia by Sextus Tarquinius could have meant his eagerness to assume power out of the turn allotted to him. As a result he was excluded from inheriting the title of *rex* and his place in the triad was taken by Publius Valerius, son of Valesius, whose ancestors were related to Titus Tatius. Brutus came into prominence among the «brothers». But lack of the legitimate substantiation of his claim to power in the form of marriage to the king's daughter enabled Arruns Tarquinius, son of Superbus, to lay similar claims. In the fight both Arruns and Brutus were killed. The attempt of the only remaining «brother» Publius Valerius to keep power in his hands caused opposition of the *gentes* concerned.

After the transition to the Republic the correlation between the significance and the role of the magistrates who inherited the powers of the triad of «brothers» changed. *Rex sacrorum* who retained sacral powers ceased to play a role in governance, since the sphere of religion in the civic society of the Republic was greatly curtailed. On the contrary, the consuls who were the bearers of the secular tradition became heads of the executive power. Their real power was as big as the regal one, which led to the necessity to limit it by one year. On the other hand, the necessity to limit the term of office of a consul was motivated by the existence in Rome of a considerable number of the descendants of the former regal *gentes* of archaic Latium entitled to the post of consuls. All together these people were constituting the ruling *ordo nobiliorum* whose representatives by virtue of their origin had the exclusive right for the consulship.